ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (2408) | Суббота, 27 марта 1948 г. | Цена 40 коп.

Наш Горький

Отмечая восьмидесятилетие со дня рождения Горького, мы вновь и вновь испытываем чувство национальной гордости. Могучий русский народ, создавший гениальную литературу, философию, передовую науку, обогативший мир учением Ленина—Сталина — высшим достижением русской и мировой культуры,—выдвинул великого художника, чье творчество ознаменовало переход человечества к новой исторической эре — к коммунизму.

В 1893 году Энгельс писал в предисловии к итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста»:

«Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?»

Энгельс не мог знать, когда писал эти строки, что в одной из газет, выходивших в городе Тифлисе, в 1892 году напечатал свой первый рассказ молодой писатель, которому история повелела запечатлеть в могучих художественных образах час рождения новой эры. Не Италия, а наша родина, которая, по выражению товарища Сталина, «...была беременна революцией», дала миру нового гения, чей богатырский творческий размах выражал неисчерпаемую силу русского рабочего класса, русского трудового народа.

В творчестве Горького предстал образ нового хозяина земли, «Человека нового человечества». В пьесе «Мещане» впервые в истории мировой литературы был воплощен образ революционного пролетария, с его романтической готовностью «штурмовать небо» и с его трезвой хозяйской повадкой строителя и созидателя. В лице паровозного машиниста Нила в литературу пришли те миллионы «маленьких великих людей», которые, по слову Горького, создают все ценнейшее, все прекрасное и разумное на земле. И пришли они уже не только в качестве «униженных и оскорбленных», но в новом историческом качестве завтрашних хозяев родины. Слова-формулы Нила произносили вместе с ним миллионы людей:

«Хозяин тот, кто трудится»...

Никогда еще в литературе не было столь весомых слов!

«Пра́ва не дают, права́ берут»...

«Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось»...

Весь образ Нила был проникнут той огромной творческой, новаторской, революционной энергией народных масс, о которой сказал товарищ Сталин в статье «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи»: «...великая энергия рождается лишь для великой цели».

Эта великая энергия, активное, творческое отношение к жизни и характеризует горьковского героя. Жизнь для него — творчество и неустанная борьба за свободу творчества.

В пьесе «Враги», в романе-поэме «Мать» и в ряде произведений Горький воплотил образы передовых людей человечества — большевиков, учеников Ленина и Сталина, борцов за коммунизм. Все лучшее, что сделано Горьким, вдохновлено партией большевиков, воспитывавшей своего художника, вдохновлено дружбой писателя с Лениным и Сталиным, сурово критиковавшими его ошибки, чутко и мудро помогавшими ему итти вместе с партией, создавать свои лучшие образы.

Начало нового мира и конец, крах, свирепая и отвратительная агония **старого мира** — вот коренные темы горьковского творчества.

Труд для Горького — основа человечности; только люди труда и являются **людьми** в подлинном смысле этого слова, — такова истина, впервые на языке художественных образов выраженная Горьким. Людям труда противостоят **не-люди, человекоподобные**, утратившие все человеческое: так характеризовал Горький лагерь мировой реакции — «касту людей численно ничтожную, совершенно безответственную и уже безумную», порождающую фашизм во всех его разновидностях, мечтающую об истреблении миллионов людей. Разоблачая в своих страстных, грозных памфлетах «группу всемирных грабителей и убийц», Горький говорил с омерзением и гневом, что она, «морально разлагаясь... воспитывает все большее количество воров, мошенников, бандитов». «Банкир родит бандита», — эти слова Горького подтверждаются все новыми фактами. В самом деле, разве отличишь какого-нибудь американского банковского дельца, вроде Гарримана, Форрестолла, Даллеса, или банковского лакея Трумэна от гангстера? Безответственная каста убийц, поджигателей войны, пытающаяся навязать всему миру бандитские идеи дикого насилия и господства над всеми народами, — идеи, облеченные в «доктрину Трумэна» или «план Маршалла»,— таков современный гангстеризм в политике.

В своих очерках об Америке Горький издевался над идейным и моральным убожеством тупоголовых властителей американской жизни. Он создал их синтетический образ в лице одного из «Королей республики» — некоего миллионера.

«— Что вы делаете с вашими деньгами?

— Я делаю ими еще деньги.

— Зачем?

— Чтобы сделать еще деньги.

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, опираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы сумасшедший?»

Стремление к созиданию, любовь к творчеству, к труду, вообще какие-либо интересы, не связанные с «деланием денег», — все это кажется владыкам Америки «сумасшествием». Поэтому они с такой легкостью и превратили бы, — если бы могли! — весь мир в развалины: ведь, кроме денег, для них нет никаких ценностей на земле. Не ясно ли, что именно они и являются безумцами, одичавшим зверьем, самое существование которого опасно для человечества.

«Америка, — говорит миллионер, нарисованный Горьким, — лучшая страна мира... Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро придет весь мир»...

Разве это не голос маршаллов, трумэнов, даллесов со всей характерной тупостью мертвенных интонаций, свойственных нечеловеческому голосу доллара!

Маньяков наживы и убийства, командующих в странах буржуазной демократии, Горький считал «существами низшего типа». Он говорил, что писатели должны уметь показывать **трагикомическую** сущность этих уродливых существ: в частности, авторы книг для детей должны уметь показать своим читателям «уродливо-смешную жизнь миллионера, забавную жизнь чиновников церкви»... Литература должна уметь раскрывать жалкую, презренную сущность хозяев современного буржуазного мира и их слабость, обреченность.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, — только как существо ненавидящее, — это будет не весь Черчилль, и потому — не живой Черчилль... Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь придатками к основному своему уродству, и мне кажется, что, наверное, это придатки убогие, комические. Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги».

Да, у всех этих существ, у разнообразных черчиллей и трумэнов, есть нечто, что «тайно мучает» их: страх перед силами демократии, перед своим народом и перед трудовыми людьми всего мира, тайное сознание обреченности всех своих «планов» и «доктрин», чувство своей слабости, несмотря на все виды вооружения, имеющиеся в их распоряжении. Оттого-то они так злобно пишут свои книги, свои наглые «послания», оттого-то они разражаются на весь мир такой постыдной военной истерикой, в которой столько же злобы, сколько и страха.

Горький выразил всем своим творчеством непоколебимую уверенность миллионов простых людей в непобедимой силе демократии и социализма.

Будущее — за нами, за людьми, подобными горьковскому Нилу, Павлу Власову, за людьми труда и творчества, а не за сумасшедшими, бессильными в своей ярости врагами труда, культуры, свободы, врагами самой жизни человечества. «Делателям доллара» не удастся их черный замысел — бросить человечество в пламя новой войны. Порукой этому — неизмеримо возросшее в наши дни могущество лагеря демократии и социализма во всем мире, творческая воля советских людей, строящих коммунизм под мудрым, вдохновенным руководством партии большевиков и великого друга и учителя Горького, вождя советских народов И. В. Сталина. В статье «Правда социализма» (1934 г.) Горький писал:

«Непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии... Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложных качествах людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до высоты, — поставили его на место Ленина. Пролетариат Союза Советов горд и счастлив тем, что у него такие вожди, как Сталин и другие верные последователи Ильича...»

Для Горького Ленин и Сталин являлись гениальным воплощением всех самых лучших черт миллионов простых людей, тружеников и созидателей. Великий труженик, Горький нежной и страстной любовью любил «тех, кто трудится», и ненавидел паразитов, убийц, **человекоподобных.**

«Победим мы», — говорит Павел Власов, герой романа «Мать».

Побеждает воля к свободе и счастью, к творчеству и созиданию, к миру и дружбе народов. Побеждает дело демократии и социализма, за которое отдал все свои силы и самую свою жизнь великий русский писатель, строитель коммунизма, друг и последователь Ленина и Сталина— наш Горький!

Александр ИВИЧ

ЖИВОЙ ПОЧИН

Год с небольшим тому назад работники Ростовской научной библиотеки имени Маркса собрались обсудить только что полученный номер газеты. Номер исторический: в нем было опубликовано решение Пленума ЦК ВКП(б). Новые грандиозные задачи поставила партия перед сельским хозяйством.

Что должна предпринять научная библиотека? Можно, например, вывесить в читальном зале соответствующие лозунги, список литературы, провести читательскую конференцию, организовать лекцию. Это библиотека **обязана** сделать. А что она **может** сделать? Именно так поставили вопрос работники библиотеки.

Что, если отказаться от обычного правила всех публичных библиотек — выдачи книг за пределы читального зала только по межбиблиотечному абонементу? Что, если установить непосредственную связь с читателями: высылать агрономам, председателям и бригадирам колхозов, районным партийным работникам книги, которые могут помочь им выполнить решения партии?

Кое-кто пришел в ужас: это нарушение всех традиций, это поведет к разбазариванию книжных фондов, с таким трудом восстановленных после войны.

Довод серьезный. Но есть примечательная особенность в нашей жизни, проявляющаяся все резче, все чаще. Едва человек или коллектив поймет, что **может** поднять работу на новую ступень, как у него является чувство **обязанности** осуществить новую идею, какие бы трудности ни стояли на пути. И все меньше у нас людей, которые препятствия между «следовало бы» и «сделано» взвешивают так старательно, что и вовсе отказываются от осуществления идеи.

Вопрос был решен положительно. Через все районные газеты и по радио научная библиотека оповестила, что принимает требования на высылку колхозникам по почте нужной им сельскохозяйственной литературы. Абоненты должны только дать обязательство вернуть книги по прочтении.

Писем, конечно, было множество. Но требований на определенные книги — сравнительно немного. Большинство корреспондентов спрашивало: что нужно прочесть, чтобы научиться лучше работать?

И тогда из первого решения естественно возникло второе: нужно дать читателям рекомендательную библиографию. Каким путем? Проще всего, конечно, письмами, отвечая на полученные запросы. Библиотекари нашли это простое решение недостаточным. Получены десятки запросов, а почему их не сотни? Очевидно, письма прислали только самые заинтересованные работники. Нужно побудить прислать свои требования и тех, кто постеснялся или не догадался написать в библиотеку о том, что пополнить знания хочется, а какие книги просить — неизвестно. Рекомендательную библиографию надо издать и разослать по колхозам.

Где взять на это деньги, бумагу? Издательская деятельность не предусмотрена ни сметой библиотеки, ни планом снабжения. Проще всего признать идею полезной, но неосуществимой. Директор библиотеки В. Вейнман начал с малого: издал листовки, посвященные отдельным книгам, самым важным для колхозников. В каждой листовке дана аннотация и раз'яснено, чем книга важна для читателя. Обошлись эти листовки очень недорого и рассылались бесплатно. Помог деньгами отдел культпросветработы при облисполкоме.

Требования на рекомендованные книги приходили ежедневно. Польза дела была доказана. Тогда директор достал бумагу, еще немного денег и начал выпуск библиографических памяток по основным вопросам сельского хозяйства: «Что читать агроному о травопольной системе земледелия», «Что читать заведующему животноводческой фермой о заготовке кормов». Эти памятки с точным адресом (одни для агрономов, другие для бригадиров или животноводов), короткие, толковые, давали уже круг чтения по специальности, помогали следить за новинками.

Через несколько месяцев у библиотеки было больше двухсот сельских абонентов, регулярно получавших книги, — среди них Герой Социалистического Труда директор совхоза, Ф. Бойко, секретарь Сальского райкома депутат Верховного Совета РСФСР И. Березин, знаменитая звеньевая Герой Социалистического Труда В. Романченко, агрономы, бригадиры, председатели колхозов.

Ни одна из тысяч высланных за год колхозным абонентам книг не пропала,— все были возвращены, и их состояние свидетельствовало о заботливости, о высоком уважении к книге. С каждым месяцем научная библиотека находила новые формы живой связи с читателем. Уже издано двенадцать библиографических памяток, восемь листовок. В дополнение к этому — больше двадцати плакатов-листовок, посвященных памятным для народа датам, каждая из них с большим, внимательно составленным текстом. Составлены и изданы два солидных справочника—«Писатели Советского Дона» и «Советский Дон в Великой Отечественной войне».

К составлению памяток, листовок привлечены местные профессоры, агрономы, писатели. Энтузиасты-библиотекари нашли горячую поддержку в среде ростовской интеллигенции.

Библиотека стала в ряды активных борцов за выполнение решений февральского Пленума. И она сумела вести всю эту большую работу без дополнительных штатов, без специальных ассигнований.

В работу включилась и молодежь и опытнейшие специалисты. Н. Лашевич наладил непосредственную живую связь с районными библиотекарями, постоянно инструктирует их. Заведующий межбиблиотечным абонементом, работник с почти 50-летним стажем М. Рабинович любовно подбирает книги для нового контингента сельских читателей.

Что можно еще сделать? Когда этот вопрос ставишь себе упорно, ежедневно, то ответы приходят сами собой — их подсказывает жизнь.

Можно открыть филиалы библиотеки в крупных совхозах. Придумано, обдумано и осуществлено. Можно послать передвижки для колхозных полевых станов. Скомплектованы и посланы. Можно вести и устную пропаганду книги. Секретарь партийной организации библиотеки, опытный библиограф М. Г. Бригадиров берет на себя эту работу. Он едет из района в район, беседует с колхозниками, консультирует агрономов, делает больше ста устных библиографических обзоров.

Что можно сделать еще? Помощь работникам сельского хозяйства оказалась действенной. Почин ленинградских рабочих подсказывал следующий шаг — организовать такую же помощь работникам промышленности в выполнении пятилетки в четыре года. Издается новая серия библиографических памяток. Организуется филиал библиотеки на крупнейшем заводе сельскохозяйственного машиностроения — «Ростсельмаше».

Библиотекарь филиала молодой коммунист Михаил Готьван становится популярным на заводе человеком. Он обслуживает по 200—250 человек в день. За книгой приходят и директор завода, и конструкторы, и стахановцы. Нехватает книг. Главному конструктору завода приходится взять на себя дополнительную нагрузку: установление очередности получения работниками завода новинок технической литературы.

Библиотека принимается за организацию выставки, посвященной под'ему сельского хозяйства. Но тут — осечка: нехватило денег. Справедливость требует назвать тех, кто проявил полнейшее равнодушие к живому делу. Казалось бы, областное управление сельского хозяйства должно было в первую очередь оказать самую горячую поддержку начинаниям библиотеки. И действительно, агрономы управления составляли аннотации и листовки для библиотеки. Но начальник управления тов. Петрищев не нашел возможным уделить для осуществления выставки и для других начинаний библиотеки ни копейки из больших сумм, отпущенных ему для агротехнической пропаганды. А когда на слете передовиков сельского хозяйства тов. Вейнман хотел рассказать, какую помощь готова предоставить библиотека колхозам, и познакомить участников слета с книжными новинками, тов. Петрищев попросту не предоставил ему слова.

Еще обиднее, когда бюрократическое равнодушие проявляют товарищи по работе. Центральный коллектор научных библиотек с поразительным бездумием пополняет библиотеку. Деньги он получает вперед и шлет, что вздумается, в том числе совершенно ненужные, но зато дорогие книги. Он не пожалел даже двух экземпляров сорокарублевого сборника по организации труда свекловичных совхозов. Таких совхозов в области нет, к тому же прислан только третий выпуск сборника, что уже вовсе бессмысленно. Приходят книги о выращивании ранних овощей на Крайнем Севере и об уходе за виноградниками в Куйбышевской области. Литература к выборам в Верховный Совет и в местные советы прислана в количестве вполне достаточном, но, к сожалению через несколько месяцев после выборов.

Я привел эти примеры, чтобы показать, как безответственность и равнодушие все еще соседствуют с энтузиазмом, с подлинно партийным, социалистическим отношением к труду.

Обогащенная новыми предложениями, осуществленная волею коллектива, первоначальная идея сегодня кажется уже недостаточной даже тем, кто высказывал сомнения год тому назад. Сделано больше, чем предполагали вначале: думали взойти на ступеньку,—одолели лестницу. Естественный для нас путь.

Такова судьба плодотворной идеи в нашем обществе: весь коллектив библиотеки, ученые, писатели были втянуты в дело, и опыт Ростовской библиотеки, надо думать, уже подхватывают в других областях.

Такова природа советского человека: сегодня перед коллективом ростовских новаторов стоит все тот же вопрос, как год назад: а что еще можно сделать?

С. ГАРИН

Говорит библиотекарь

Из Якутии и сальских степей, с побережья Баренцова моря и с гор Дагестана приехали в Москву верные друзья книги— передовой отряд советской интеллигенции.

Двадцать четыре года не видела Москва такого широкого слета библиотекарей. Были совещания, семинары, конференции, но такого большого с'езда не было с 1924 года.

Сколько перемен произошло за это время! На стендах выставки, устроенной в фойе Центрального дома Красной Армии,— имена и названия крупнейших библиотек, возникших одновременно с новыми городами. Во многих областных центрах появились библиотеки-гиганты, которыми могла бы гордиться любая столица мира. По общему количеству библиотек наша страна уже давно вышла на первое место. Цифры радуют, наполняют гордостью. Еще до войны в СССР одна библиотека приходилась на 2.197 человек, в то время как в США — на 20.330 человек, в Италии — на 20.211, в Японии — на 70 тысяч.

В Советском Союзе насчитывается 250 тысяч библиотек с общим количеством более полумиллиарда книг.

Убедительные материалы выставки отражают невиданный размах библиотечного строительства. Возник ряд проблем, накопились многочисленные вопросы, кажущиеся на первый взгляд второстепенными. Но для людей, находящихся, как сказала одна из делегаток, «в передовых окопах культурного фронта», второстепенных вопросов нет.

Миллионы советских людей занимаются самообразованием. Куда они приходят за помощью? В библиотеки! К сожалению, не только маленькая сельская библиотека не может дать исчерпывающий указатель литературы, но даже столица не в состоянии как следует помочь читателю.

Директор Государственной библиотеки СССР имени Ленина В. Г. Олишев напоминает, что в 1940 году ЦК ВКП(б) принял специальное решение о библиографической рекомендательной литературе. Кстати, напоминает тов. Олишев, в тот год указателей было издано в два раза больше, чем сейчас. Государственная научная библиотека, Академия наук, Институт мировой литературы имени Горького почти не выпускают библиографических указателей.

«Что читать?» — спрашивает читатель. «Что рекомендовать?» — разводит руками библиотекарь, работающий вдали от больших городов, лишенный возможности посоветоваться с опытным библиографом. Многие областные библиотеки — Горьковская, Ростовская, Кировская — по своей инициативе начали издавать рекомендательные указатели. Почему же Москва, центр советского книговедения, плохо помогает десяткам тысяч библиотек?

О многом давно пора окончательно договориться. Справедливые упреки высказаны по адресу Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР, и Когиза, и ВЦСПС. Почему, например, профсоюзные библиотеки, обслуживающие многомиллионную армию промышленных рабочих, поставлены на второе место по снабжению книгами? Разве единственные в Магнитогорске и Сталинске профсоюзные библиотеки, насчитывающие десятки тысяч читателей, менее значительны, чем районная библиотека в Галиче или областная в Костроме?

Появление на трибуне заместителя директора Когиза тов. Ширяева было встречено в зале большим оживлением, которое само по себе говорит и о серьезных претензиях, пред'являемых этой организации, и о том, что она еще слишком медленно перестраивает свою работу.

«Правильно распределять и правильно рекомендовать книгу»,—вот мысль, которой проникнуто большинство выступлений.

И когда заведующая библиотекой Магнитогорского дворца металлургов тов. Константиновская говорит, что ей присылают много ненужных книг, лежащих в Магнитогорске мертвым грузом и, несомненно, с нетерпением ожидаемых в других городах, — чувствуется беспокойство государственного человека об интересах читателя.

С трибуны своего совещания библиотекари больше говорят о недостатках в работе. И все-таки, о чем бы они ни говорили, как бы ни критиковали свою работу, каждое выступление дополняет образ лучшего друга книги новыми яркими штрихами.

Слушая выступления делегатов, невольно представляешь себе, как истощенные люди, нагруженные книгами, с трудом плелись через весь осажденный Ленинград. Так библиотекари «Красного треугольника» спасали от фашистских бомб книжный фонд завода. Живо представляешь себе, как 76-летняя москвичка Любовь Николаевна Содман-Михайлова, избранная в президиум совещания, приходила в военные госпитали, чтобы почитать раненому воину. Пять тысяч читок провела в дни войны эта самоотверженная труженица! Видишь, как шагают по дорогам, занесенным снегами или размытым весенним половодьем, тысячи добровольных помощников сельского библиотекаря — пионеры-книгоноши. И хочется от всей души пожать руку участнице совещания Евгении Тимофеевне Андреевой, отдавшей полвека жизни маленьким читателям Смоленской детской библиотеки...

Поделившись опытом, ознакомившись с работой лучших библиотек страны, делегаты совещания скоро раз'едутся по домам, чтобы с еще большей энергией трудиться на благо народа.

В добрый час, друзья!

К 125-летию со дня рождения А. Н. Островского

НА ЗАСЕДАНИИ ЮБИЛЕЙНОГО КОМИТЕТА

25 марта под председательством П. И. Лебедева состоялось второе заседание Всесоюзного комитета по ознаменованию 125-летия со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского. Были заслушаны и обсуждены сообщения Министерства просвещения РСФСР, Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний, Гослитиздата и издательства «Искусство» о подготовке к юбилею.

Президент Академии наук С. И. Вавилов сообщил о докладах и лекциях, посвященных Островскому, которые проводит в Москве, Ленинграде и других городах СССР Общество по распространению научных и политических знаний.

В Гослитиздате осуществляется издание полного 16-томного собрания сочинений писателя, куда войдут произведения, статьи, письма и непубликовавшиеся до сих пор варианты пьес. Первые четыре тома выйдут до конца этого года. Массовыми тиражами будут выпущены однотомник произведений Островского (200 тысяч экз.). и сборник пьес. Готовятся к печати биография великого драматурга, книга воспоминаний о нем и сборник «Островский в русской критике».

Общий тираж изданий, выпускаемых только Гослитиздатом, достигает 2.500.000 экземпляров.

В высших учебных заведениях, школах, детских домах состоятся научные сессии, конференции, вечера и утренники, посвященные творчеству великого драматурга.

Накануне 80-летия со дня рождения А. М. Горького

НА 66 ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР

45 миллионов экземпляров книг А. М. Горького издано в нашей стране в советский период. Это в сорок с лишним раз больше общего тиража произведений великого писателя, вышедших в свет при царизме.

Книги основоположника советской литературы изданы на 66 языках народов СССР. Многие из этих народов — адыгейцы, карачаевцы, кабардинцы, лезгины, ногайцы и др. — получили свою письменность только после Октябрьской революции.

Лучшие произведения А. М. Горького многократно переиздавались за последние 30 лет. Например: «Мать» выдержала 110 изданий, «Детство» — 85, «В людях» — 56, «Мои университеты» — 65.

В ЛИТВЕ

ВИЛЬНЮС. (**Наш корр.**). Общественность Литвы торжественно отмечает 80-летие со дня рождения А. М. Горького, оказавшего огромное влияние на развитие литовской литературы, искусства, культуры.

В буржуазной Литве книги Горького находились под запретом, переводчиков их преследовала полиция. Большинство произведений Алексея Максимовича было переведено на литовский язык и издано за пределами буржуазной Литвы. Но несмотря на запрет, наиболее прогрессивные деятели литовской литературы не прекращали работу над переводами. В 1903 году была в первый раз переведена «Песня о Соколе». Четыре раза переводилась «Песня о Буревестнике». Наиболее удачный перевод ее сделал в 1913 году Балис Сруога. Писатель В. Монтвила перевел в 1937 году «Бывших людей», а в 1940 году — повесть «Мать». В 1936 году поэт Антанас Венцлова перевел «Мои университеты».

В Центральном Государственном архиве Литовской ССР обнаружены недавно интересные документы о первых постановках в Литве пьес «На дне» и «Мещане». Во время этих спектаклей молодежь громко произносила с балкона революционные лозунги. Рабочие устроили возле театра демонстрацию. В архиве сохранились тревожные донесения полицейских властей, после которых постановки горьковских пьес были запрещены.

Только при советской власти произведения Горького стали достоянием всех трудящихся Литвы. В первый же год после установления советского строя в Литве было издано 40 тысяч экземпляров книг великого русского писателя. После освобождения республики от немецкой оккупации его произведения вышли стотысячным тиражом. К 80-летию со дня рождения Горького выходят в новых изданиях «Мать», «Детство», «Мои университеты» и другие его книги.

В СТОЛИЦЕ ТАТАРИИ

КАЗАНЬ. (**Наш корр.**). Народ Татарии увековечил память великого русского писателя, открыв в 1940 году в столице республики музей. Здесь собраны материалы, отображающие жизнь Алексея Максимовича Горького в Казани.

Музей пользуется большой популярностью. Только за один 1947 год его посетило свыше 12500 человек. Научные работники музея выезжают в районы республики с выставками-передвижками, устраивают лекции и читки произведений А. М. Горького, проводят литературные «среды».

В последнее время музей пополнился рядом новых экспонатов, картин и скульптур, в их числе картины «Алексей Пешков в крендельной у хозяина Семенова» — художника А. Фаттахова, «Алексей Пешков в семье Евреиновых»—художника Г. Житкова и большая скульптура «Алексей Пешков» — К. Счастнева.

Дар советскому государству

100 тысяч томов личной библиотеки Н. А. Рубакина

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина получила в дар редкое собрание книг в 100 тысяч с лишним томов.

Это личная библиотека известного русского библиографа Николая Александровича Рубакина, завещанная им Советскому Союзу незадолго до смерти, последовавшей полтора года назад в Лозанне.

Собиранию библиотеки А. Н. Рубакин посвятил большую часть своей 84-летней жизни

Его собрание считается одной из самых больших личных библиотек мира. В 470 больших ящиках, доставленных в Москву из Швейцарии, находится принадлежавшая Рубакину личная библиотека А. Герцена, нелегальные русские революционные издания, начиная с пятидесятых годов прошлого столетия, множество уникальных изданий по вопросам науки, литературы, искусства, беллетристические и научные произведения самого Рубакина.

Об огромной ценности библиотеки Рубакина можно судить и по тому, что ее книгами часто пользовался Владимир Ильич Ленин, живя за границей и будучи лично знаком с русским библиографом. Книги, прочитанные В. И. Лениным, находятся среди томов, полученных сейчас из Швейцарии.

Вся жизнь русского писателя и библиографа была посвящена служению книге. Преследуемый царским самодержавием, Н. А. Рубакин эмигрировал за границу. Там он написал книгу «Россия в цифрах», на которую неоднократно ссылался В. И. Ленин в своих статьях. Большую известность приобрел основной библиографический труд Н. А. Рубакина — «Среди книг». В трех томах автор попытался дать систематический обзор русской литературы по всем отраслям знаний. Во втором издании этого труда принял участие и В. И. Ленин, написавший для него статью «О большевизме». В апреле 1914 года Владимир Ильич опубликовал в журнале «Просвещение» рецензию на книгу «Среди книг» и, отметив некоторые существенные недостатки работы Н. А. Рубакина, высоко оценил ее в целом.

«Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись», — писал Ленин.

Присланное в дар Советскому государству ценное собрание книг Н. А. Рубакина является, по существу, его второй личной библиотекой. Первую он составил, еще живя в Петербурге. Она насчитывала более 100 тысяч томов.

Задолго до Великой Октябрьской революции, перед от'ездом в эмиграцию, библиограф безвозмездно передал свое первое собрание книг городу.

В 1919 году Н. А. Рубакин основал в Лозанне институт библиопсихологии, которым и руководил до самых последних дней жизни. Живя за рубежом, Н. А. Рубакин поддерживал связь с родиной, следил за ее успехами, вел обширную переписку с советскими научными учреждениями. Родине он завещал и труд своей долголетней жизни — библиографические работы и исключительную по своему богатству личную библиотеку.

Борис БЯЛИК

Труд, творчество, борьба

Мы все чаще и чаще — и это вполне естественно в наши годы великих трудовых битв — вспоминаем, говоря о Горьком, замечательные слова, произнесенные им в 1928 году в Тбилиси: «Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть... заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире». Эти слова приобретают для нас особенно волнующий смысл, если мы вспомним, что они были произнесены в том городе, где Горький начинал свой творческий путь, когда был сначала молотобойцем, а затем отметчиком Тифлисских железнодорожных мастерских. Сам Горький никогда не забывал об этой важной, решившей его судьбу поре его жизни. То, что было им так ясно сформулировано в 1928 году, он высказал на языке искусства еще в 1901 году, создав образ машиниста Нила, в котором было что-то и от тифлисских железнодорожников — друзей Горького, и от него самого, молотобойца кузнечного цеха, и в котором все это осветилось зарницами начавшегося революционного под'ема. С какой силой зазвучали тогда слова Нила о радости жизни, о радости, которая в том, чтобы бить молотом по красной, жгучей массе металла, чтобы мчаться на паровозе осенними ночами сквозь дождь и ветер, и главное, в том, чтобы «вмешаться в самую гущу жизни... тому — помешать, этому — помочь...»

Труд и творчество изображались и до Горького, но высшее, чего достигла предшествующая литература, заключалось либо в сочувствии людям труда, когда труд понимался только как бремя, либо в прославлении творчества, когда оно понималось только как нечто духовное. Горький первый показал труд как творчество, раскрыв его духовное и эстетическое содержание и начав тем самым новую эпоху в мировом искусстве. Когда будет написана история советской литературы, станет ясно, какое огромное значение имела для советских писателей горьковская героическая поэзия труда. Тогда раскроются с новой стороны романы Гладкова, показавшие поэзию трудовых процессов; «Педагогическая поэма» Макаренко, созданная под прямым влиянием Горького и рассказавшая о могучей воспитательной силе «школы труда»; своеобразные произведения Ильина, где вся действительность, каждый предмет, каждая вещь даны как воплощения человеческих деяний; замечательные сказы Бажова, ограненные художником в богатства рабочего фольклора: и все многообразные создания советских писателей, выражающие новое мироощущение советского человека, который, по выражению Горького, «наполняет время своей работой и осознает весь мир как свое хозяйство».

Но еще большее значение имеет то, что в произведениях Горького пафос творчества оказался неразрывно слитым с пафосом борьбы, что Горький признал достойным высокого наименования творчества лишь тот труд, лишь ту науку и то искусство, которые направлены на вмешательство «в самую гущу жизни», на благо народа.

Вот почему он рисовал как подлинного творца рабочего-революционера Нила и вот почему он, в сущности, отказывал в праве на это наименование «детям солнца» — тем ученым и писателям, которые пытались спрятаться от жизни в «науке для науки» или в «искусстве для искусства». В образе Протасова в пьесе «Дети солнца» Горький показал ученого, который стремился разгадать загадки природы, но отворачивался от всего, что происходило вокруг и становился жалкой, трагикомической фигурой. Горький не отрицал благих намерений Протасова, но тем более сурово осуждал в нем тип ученого, чуждый подлинно революционной, подлинно творческой науке.

Фигуры такого рода Горький изображал в своих произведениях не раз. Писатель Мастаков в пьесе «Чудаки» произносит много хороших слов о радости творчества, о презрении к страданиям, о необходимости видеть и показывать светлое в жизни. Он даже верит в эти свои слова, хотя в «Заметке для артистов» Горький сделал характерную оговорку о Мастакове: «в каждый данный момент искренен». Но Мастаков не борется со злом, а отворачивается от него, он сам признается, что он «хитрый», что он играет роль «блаженного и дурачка», прячась от ответственности за свои поступки, за все, происходящее вокруг. И его творческая программа соответствует этой его жизненной позиции: он хочет рисовать светлое в жизни, но решительно отказывается от задач критики и борьбы. Он говорит: «Я же не сатирик!» Мы лучше поймем значение этих слов Мастакова, если вспомним, что сам Горький говорил в те годы о необходимости «нового Щедрина» и создавал такие произведения, как «Городок Окуров» и «Русские сказки». К Протасову и Мастакову близок и герой незаконченной пьесы Горького «Яков Богомолов» — инженер, мечтающий о преображении природы, но не видящий, не желающий видеть, кому и чему служит в действительности вся его деятельность.

Говоря о Богомолове и о персонаже другой горьковской пьесы — вредителе Сомове, тов. Юзовский писал, что это — «две фигуры, о которых можно сказать, что они полемически направлены друг против друга и представляют две непримиримых точки зрения на мир», что в их лице «враждебные философии воинственно сталкиваются друг с другом». Что же это за «враждебные философии»? О «философии» Сомова долго говорить не приходится, это — чистейший фашизм. А философия Богомолова? Это, оказывается, — социализм, коммунизм, ибо Богомолов говорит о радости труда и творчества. «Сила Богомолова не в негативности, отрицании, сатире, критике; его дело — утверждение положительного начала в жизни, — указывает при этом критик. — О Богомолове можно сказать, что он младенец, устами которого глаголет истина — истина, принадлежащая Горькому» [1]. Но в чем же заключается истина Горького — в том, что человек, пусть даже искренне, говорит о радости труда, но не способен бороться за то, чтобы труд стал действительно радостью? В том, что человек говорит о своей творческой деятельности, не замечая, не желая замечать той «детали», что сам он, практически, лишь слуга жалкого тунеядца? В этом всем — истина Горького?! Может быть, не стоило бы вспоминать о статье, из которой здесь приведены цитаты, если бы не одно обстоятельство. Статья эта не прошла бесследно, она оказала определенное влияние на группу наших актеров, поставивших несколько сцен из пьесы «Яков Богомолов». Эта постановка находится в полном соответствии с указанным взглядом на героя пьесы. Здесь не передана вся сложность горьковского отношения к этому герою, здесь не звучит ни малейшей нотки осуждения по его адресу. Можно ли удивляться тому, что автор статьи «Сомов и Богомолов» откликнулся на эту постановку восторженной статьей «Испытание сценой»? [2] Так «испытали» друг друга критик и актеры, — посмотрим, однако, как «испытала» эту проблему сама жизнь.

Напомним, прежде всего, что такие образы Горького, как Протасов и Богомолов, отражая явления старой русской действительности и свидетельствуя о борьбе Горького против мнимо «надклассовой» позиции «детей солнца», против «науки для науки» и «творчества для творчества», заключали в себе, вместе с тем, важное полемическое содержание. Они, эти образы, были противопоставлены тем фигурам, которых сочувственно рисовали в своих произведениях некоторые западноевропейские писатели конца XIX и начала XX века, — фигурам интеллигентов-гуманистов, проникнутых стремлением «творить добро», но органически не способных бороться со «злом жизни». Авторы таких произведений, отмечая этот недостаток своих героев, выражали им сочувствие, но не осуждение, ибо сами занимали, в сущности, такую же позицию и не могли или не хотели подняться до революционного гуманизма, гуманизма борьбы. Действительность уже не раз показала, что такая позиция почти всегда приводила к капитуляции перед «злом жизни» и что Горький был совершенно прав в своей переоценке «детей солнца», в низведении их из трагического в трагикомический план. Действительность сегодняшнего дня, судьба ряда «мастеров культуры» Западной Европы и Америки подтвердили это с особенной наглядностью. Разве мы не видим сейчас, как буржуазные ученые, помогающие агрессивнейшим силам империализма готовить орудия массового истребления, пытаются оправдаться ссылками на «внеклассовую», «общечеловеческую», «космополитическую» ценность достижений науки и техники? И что меняется на деле от того, искренен ли при этом тот или иной ученый, или только «в каждый данный момент искренен» или просто лицемерит, — факт остается фактом: их богомоловы не только не столкнулись «воинственно» с их сомовыми, а ужились с ними и помогают им.

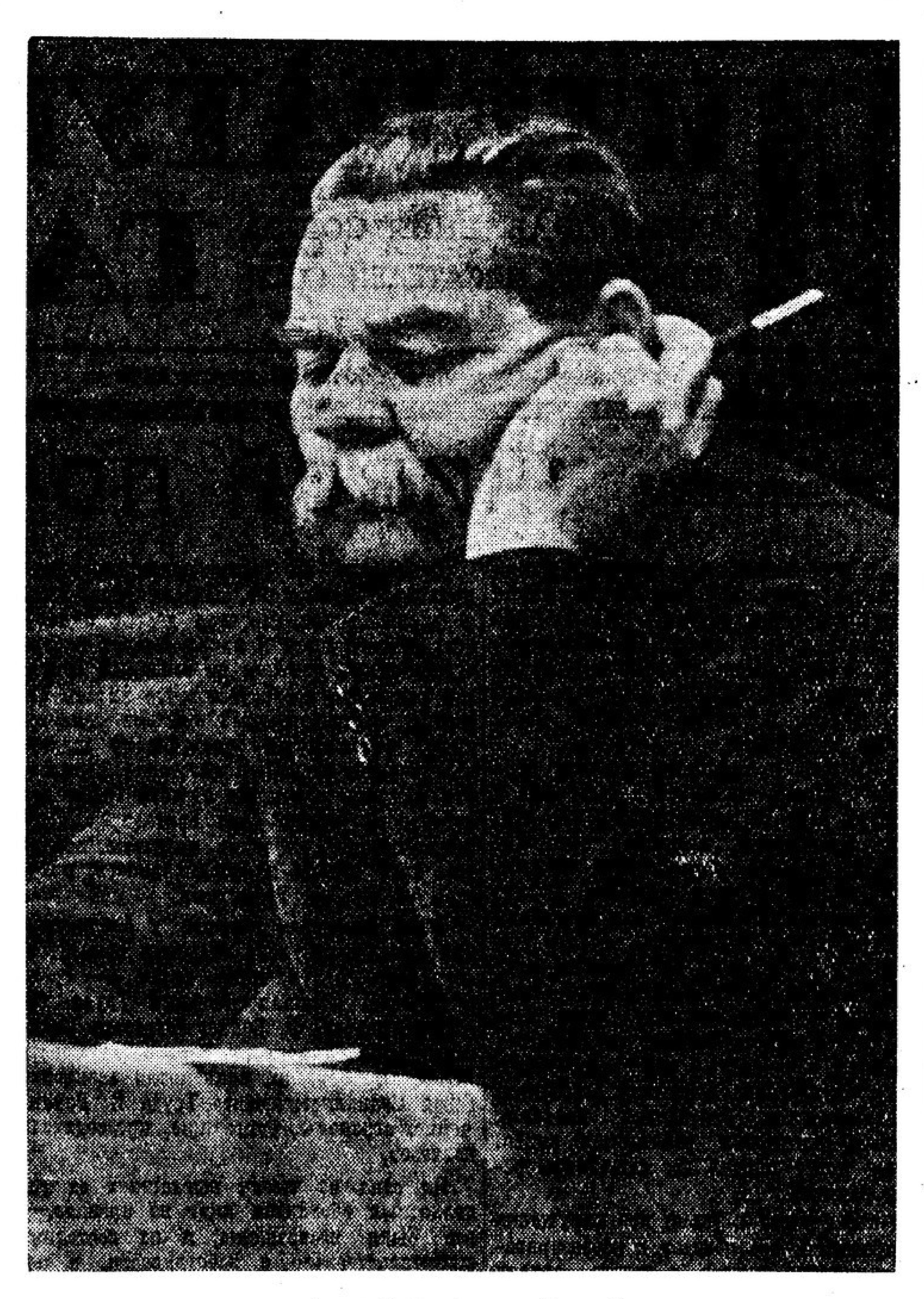
Нет, одних слов о значении, о радости, о величии труда мало! Они остаются пустым звуком, если труд не соединен с борьбой за раскрепощение труда, если творчество не подчинено ясно осознанным передовым идейным целям. Значение Горького заключается не только в том, что он раскрыл и показал духовное, философское, эстетическое содержание труда, но и в том, что так же глубоко раскрыл и так же ярко показал его общественно-политическое содержание. Роль труда в процессе очеловечения человека — именно эта тема нашла свое всестороннее освещение в работах Ленина и Сталина, посвященных социалистическому соревнованию, в их высказываниях о ростках коммунистического отношения к труду. «Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса, — говорил товарищ Сталин, обращаясь к стахановцам. — Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы». Вот это общественное значение труда, которое одно только и может превратить его в подлинно свободное и подлинно радостное творчество, — первый раскрыл в художественных образах Горький.

Не случайно в последних больших произведениях Горького — в «Моих университетах», «Деле Артамоновых», «Жизни Клима Самгина» — даны такие замечательные картины коллективного труда. Не случайно здесь играют такую важную принципиальную роль зарисовки редких моментов, когда радость творчества вспыхивала в народе даже в условиях старой подневольной жизни. На этих страницах горьковских эпопей лежит отсвет статей Ленина о социалистическом труде. А посвященные этому вопросу развернутые выступления Горького последних лет были прямыми откликами на высказывания товарища Сталина о труде как деле доблести и геройства. Это проявилось с особенной силой в докладе Горького на с'езде советских писателей, где главное значение имеет, в сущности, указанная тема: о труде как великой силе, очеловечивающей человека. Для того, чтобы «выпрямить» человека, «выпрямить» его духовно и превратить в Человека с большой буквы, — необходим социалистический труд. Вот этому новому, невиданному труду, такому труду, о котором прежде можно было только мечтать, — и пел славу Горький.

И если в социалистическом труде заключены уже зерна коммунизма, и если именно Горькому было первому дано запечатлеть это в искусстве, то разве не ясно, что значение его творчества не может уменьшиться со временем? Напротив, значение его будет расти и расти с каждым нашим новым шагом вперед, с каждым новым приближением нашей страны к коммунизму.

[1] Ю. Юзовский. «Сомов и Богомолов». «Театр» № 5—6, 1946 г., стр. 68, 71.

[2] Ю. Юзовский. «Испытание сценой». «Советское искусство» № 25 от 20 июня 1947 г.

Алексей Максимович Горький

Ек. ПЕШКОВА

В украинском селе Мануйловка

После смерти Алексея Максимовича Горького колхозники украинского села Мануйловка Полтавской области решили организовать в одной из хат комнату-музей любимого писателя. В 1939 году музей А. М. Горького в Москве прислал в Мануйловку экспозиционный материал и бюст Алексея Максимовича работы скульптора Н. Крандиевской.

С тех пор ежегодно, 18 июня (дата смерти писателя), в Мануйловку со всех концов Украины с'езжаются чествовать память А. М. Горького тысячи людей. На митинге перед музеем выступают представители партийных и советских организаций и местные колхозники, среди которых многие помнят Алексея Максимовича.

... В конце 1896 года Горький тяжело заболел обострением туберкулеза легких, первые признаки которого у него появились еще раньше. Врачи предписали немедленную отправку его в Крым. Денег не было. Получив из Литфонда сто рублей ссуды, мы приехали в Крым и устроились в пансионе в Алупке.

Первое время болезнь туго поддавалась лечению. Перелом наступил лишь после того, как Алексея Максимовича начал лечить доктор Александр Николаевич Алексин, который вызывался из Ялты к наиболее тяжелым больным.

Большую часть дня, по совету Алексина, Алексей Максимович проводил в парке. Как-то к нему подошла немолодая стриженая дама с крупными чертами приятного лица. У нее был фотоаппарат, которым она усердно снимала виды парка. Ей хотелось сфотографировать и Горького, на что он согласился с неохотой. Это была Александра Андреевна Орловская, урожденная Ширинская-Шихматова из Мануйловки. Весной, уезжая к себе, она уговаривала нас провести лето в ее родном селе. Рассказывала о природе, о чудесной реке Псёл, говорила, что там можно дешево и удобно устроиться.

Так мы попали в Мануйловку и прекрасно прожили лето. В Мануйловке родился наш сын Максим.

Алексей Максимович быстро перезнакомился с наиболее передовыми крестьянами, устроил хор из парубков и дивчат, возникла мысль ставить спектакли. Работа закипела. Сами шили костюмы, раскрашивали декорации. Алексей Максимович был и за режиссера, и за актера.

Ставили «Мартына Борулю», «Назара Стодоля» и другие украинские пьесы. Ставили и русские — «Чужое добро впрок не идет». Устраивали импровизированные концерты. В пьесах и концертах участвовали местные крестьяне, учителя и неизменно Алексей Максимович. Весело проходили спектакли, а еще веселее — подготовка к ним. После спектаклей часто устраивались вечеринки.

Алексей Максимович был очень увлечен этими постановками. Когда во второй наш приезд в Мануйловку, в 1900 году, я поехала в конце лета в Нижний снять на зиму квартиру, Алексей Максимович поручил мне убедить К. С. Станиславского прислать ему свой режиссерский экземпляр «Возчика Геншеля», так как он задумал поставить его в Мануйловке. Прислать свой экземпляр Станиславский, конечно, не мог, да и поздно было разучивать новую пьесу. Лето кончилось, пора было возвращаться в Нижний.

Алексей Максимович к этому времени совсем окреп, все признаки болезни исчезли.

Дружба Алексея Максимовича с мануйловцами не прошла бесследно: из многих, как мне рассказывали, вышли деятели революционного движения 1905 и 1917—1918 годов и участники подпольного движения против немецких оккупантов.

Сейчас, как сообщают мне мои старые друзья из Мануйловки, это старинное украинское село, полностью разрушенное немцами, быстро восстанавливается. Началось восстановление и комнаты-музея. Возобновились традиционные торжественные народные с'езды памяти А. М. Горького в день его кончины.

Л. ПАСЫНКОВ

Из встреч с Горьким

Машина остановилась, потому что на дорожке стоял Алексей Максимович. Он в серо-голубой рубахе, повязанной светлым шерстяным галстуком, в светлом костюме, в азиатской тюбетейке, в туфлях светлой кожи итальянского покроя, мягких и удобных для больных ног.

Наклоняет голову к окошечку автомобиля. За стеклом вижу усы, выгоревшие на солнце лет и Сорренто, жидковатые усы старика. Горький всегда сутулился, было это, казалось, не только от худобы, недуга, но и от внимания к вещам, к людям, к которым прислушивался, как музыкант к звуку струны. И теперь он наклонился крылато; открываемую дверцу придерживает рукой, рука его бледна.

Мне грустно видеть его стариком.

Когда-то не узнал его, когда увидел впервые. Влюбленный в его ранние портреты, я увидел тогда сорокатрехлетнего Горького в крахмальном белье, стриженого, без кудрей — и не то что пережил некое разочарование, а должен был потратить минуту, чтобы примириться с тем, что мой Горький, автор многих томов любимых книг, уже немолод.

Он стар. Горький стар? Жаль!.. Я прощался с тем, что и мне уже давно не принадлежит, — с моей читательской молодостью, с тем временем, когда дрожащими руками разрезал лазоревые книжки «Знания».

Позже гости пошли купаться на Москву-реку, — сижу с хозяином на площадке лестницы; Алексей Максимович расспрашивает о прожитом, осторожно осведомляется о работе. Говоря о Кавказе, перемежает беседу своими кавказскими историями.

— Вот вы пишете о пережитках рода, — говорит он, чертя бескаблучной туфлей по земле. — Одинок был там недавно человек, верно?

— Теперь этого нет.

— Разумею! Нет и не может быть. Но все ли сделано? Человека надо приобщить — пусть делает хоть самое незаметное, но общее, советское дело, и непременно — пообширней...

Помолчали.

— Скажите, пожалуйста, кто ж он был, человек, в своем роду?

— «Лошадиная дробь»! Помните, у Успенского справка о наличии лошадей у бедных крестьян — не лошадь на двор, а лошадиная дробь.

— Пожалуй, так. Пожалуй, вы — правильно. Что ж чувствовал этот человек? Чувствовал, вероятно, — так, мол, и должно быть!

Горький стёр начерченное на земле:

— Отсюда видно, как огромна роль Иосифа Сталина. Человек он — преследующий в людях дробь, и видит он не только назначение человека, а и значение. А это очень, очень важно...

***

Гости возвращаются с купанья. Алексей Максимович, раздувая жилы на податливо краснеющей шее, кричит, как парень на селе:

— Ого-го-го...

И подмигивает мне, знай наших.

Он торопится к площадке, садится на скамью, с удовольствием глядит на мокрые лица.

— Ишь ты, — говорит с завистью и крякает.

Становится прохладно. Острей тянет снизу водой, табаки оживают, белые стрелы-цветы расширяются, распространяя первое, предвечернее смутное благовоние. Сыро. Горький сидит на скамье, подняв худые плечи: в бледных усах играет резвый, сгущающийся холодом ветерок. Алексей Максимович терпит, а может, и не жится, — в Сорренто ветра — горячие, крутые, дыханье сирокко.

— Ишь, мокрые, — завистливо говорит Алексей Максимович, глядя на гуляющих, — а я — не могу сходить вниз; сердце — ни к лешему, 167 ступеней, — фантазирует он.

Но он не хочет утешений.

— Ничего! — длинные ноздри чуть раздуваются. — Скоро станут изготовлять алюминиевые сердца, о чем и ставлю вас в известность. Вещь портативная, легкая...

— Этого не будет, Алексей Максимович.

Ему не нравится печаль, он притворяется и хлопает собеседника по спине:

— Будет. — И выпрямляясь, говорит якобы зычно: — Всенепременно! Алюминиевые сердца, а? Предпочтительно два иметь; они не дороги, одно ношу в груди, другое запасное — в жилетном кармане. Если нужно — заменил, дальше пошел. Практично и удобно, чорт возьми.

***

Прервав свой обед, состоящий преимущественно из хлеба и огурцов, он приносит белые картоны с наклеенными лиловыми бумажными рисунками: олени, самоеды, лопари. Это детские рисунки, скопированные писателем Всеволодом Лебедевым. Горький с радостью говорит о детях, их таинственных и как бы преждевременных способностях.

После обеда Горький, не желающий, видимо, чтоб я зазнавался, обращается ко мне и громко, к моему ужасу, говорит:

— А помните «Князя Мух»?

— Помню, — говорю, леденея, — но вы-то... как вспомнили?

— Да уж помню, — Алексей Максимович поглаживает усы.

В 1915 или 1916 году я принес ему роман «Князь Мух» — произведение пораженческое; первым оно поразило и уложило автора. Горький тогда мне коротко сказал, что исторические романы некто Флобер писал лучше меня. Я в этом не сомневался, но, услышав о Флобере, с'ежился.

Алексей Максимович поглаживает усы, не спуская пристальных глаз:

— Здорово наворочено было!

Чувствую, мою работу он лучше помнит, чем я сам. Неужели за эти шестнадцать громадных лет, живя исключительной жизнью среди исключительных людей, он сохранил в бездонной и подробной своей памяти неудачу одного из бесчисленных своих посетителей, молодых неумелых авторов.

Думаю, что Алексей Максимович через всю жизнь помнит людей не только по именам-отчествам, особенностям; и тут не просто цепкая, нагая, как пять пальцев и ладошка, память, а память сугубо творческая, так как Горькому для подтверждения его идей нужен огромный материал. Так вот какая нужна структурная почва, выражаясь языком агрономов, чтоб взошел такой обильный, всегда обильный урожай чувства, мысли.

Вспоминаю тему, предложенную мне Горьким летом 1916 года.

Взять семью. Непременно маленький городок, по-своему серый, по-своему живописный. Родоначальник семьи затеял из местных торфов готовить картон и оберточную бумагу или, к примеру, строить кожевенный завод... Жестокостью родоначальник скопил деньги — жестокостью и недоеданием семьи. Вот везут бумагоделательную машину; сам хозяин подставил, для примера рабочим, плечо, а машина и завались...

— И наш хозяин, — говорит Горький, все еще не глядя на гостя, блуждая взглядом по окнам, — тут и дал маленько соку. Но машину все же поставили. Хозяин подлечился. И, когда давил рабочих, вспоминали ему, как сам он лежал под машиной...

— Вы, конечно, по-своему... по-своему постройте, — нетерпеливо говорит Алексей Максимович и взглядывает. — Начав с портрета, непременно продолжьте портретами семьи. Слепые, жадные существования, ничтожные и обильные смерти.

Он встал, стронув краем пиджака мундштук папиросы и роняя ее на пол:

— Ворота представьте себе железные, кованые, крытые медянкой. А? И замки на воротах. Зачем! Не один замок, — протестует Горький, — на одном засове два замка — один другого пудовей. Гм, — Алексей Максимович поднимает мундштук. — А на дворе — похищенный из соседнего леса волк. Да, ручной волк. И на дочерей старика обратите внимание, ни одна не вышла замуж... Желанье есть, деньги есть, а...

И хохочет.

Он садится. Повесть, видимо, еще не сложилась, но уж в достаточной полноте вырисовалась, как ряд наметок; эти наметки он и предлагал мне, гостю. А гость, холодея, а затем и со страхом слушал.

На каком могучем сквозняке стоял я тогда. Кто еще открывал мне так много, дарил столько? Никто!

Ведь тот город, который «предлагал» мне Алексей Максимович, существовал, — это его Дрёмов в «Деле Артамоновых»: не бумагоделательная то была машина, а котел, не волк, а медведь. И все это было предложено мне! Мне?

И какая вышла книга у этого неразоряющегося расточителя своих богатств. Есть сорт темного «черного» перламутра. Он так же, как и белый перламутр, сохраняет всю нежную гамму. Могучая, боевая, бьющая в цель книга.

— А помните, Алексей Максимович, какой сюжет вы мне однажды предложили? — выпаливаю.

Алексей Максимович качнул головой, — нет, не помнит. Я совсем не убежден в том, что он забыл, но я «великодушней» его и не напоминаю ему подробностей.

***

Надо ехать. Ночь. Пути — километров пятьдесят.

Алексей Максимович взволнованно улыбается:

— Мне-то спать? Что выдумали!

Ему нужно было отдохнуть более полусуток назад. Пред тем как отпустить, он каждому — с серьезным видом — встряхивает руку и глядит в лицо.

За одной из дверей щелкают биллиардные шары, развлекаются оба шофера.

— Да вы хоть не все сразу уезжайте, — молит Алексей Максимович.

— Надоел я вам, — говорит один из гостей. — Боюсь, зачастил.

С изящной шутливостью, подчеркивая мнимую свою угловатость, Горький простирает обе руки и твердит с любовью, так как он любит этого чрезвычайно одаренного писателя:

— Врете! Врете-с. Это вы врете. Пожалуйста, прошу.

Он провожает к дверям и, приглашая жену писателя, произносит:

— И вы приезжайте. Станцую для вас!

Жмет еще раз руки уезжающим, приговаривая:

— И все это вы врете.

Затем усаживает в автомобиль и возвращается: глаза его брызжут смехом, а грудь сипло-устало дышит. Но он не может, не умеет жить без людей... Лицо его полней, чем два года назад, и розовей, но лежит под полнотой и красками нечто тревожащее.

Затем он провожает и нас. Пригнулся, чтобы увидеть лица за стеклом машины, выпрямился и поглядел на небо. Табаки сильно пахнут в холодной, московской ночи, аромат проникает в автомобиль сквозь запах бензина и лака. Внизу река, лес.

От всего ночного веет особым грустным, сердце так благодарно, что он жив, с нами.

Автомобиль бесшумно снялся. Алексей Максимович стоит на пороге, в своих легких, с раструбами, итальянских туфлях, — «как на Данте», думаю. Высокая, с поднятыми жесткими плечами, сухая фигура долго стоит, чуть крылато сутулясь.

Побежала ночная прохлада, побежали деревни, стога с сеном, вырос бело-черный шлагбаум, но он не по пути в Дрёмов, а в Москву, город, в котором миллионы людей думают о Горьком, выросли с его книгами.

Уезжаю с переполненным, уже старым сердцем. Что ж держит за сердце?

То ли, что через тринадцать лет встретились, как это пишут в грошевых романах, «точно вчера расстались». Нет! Не вчера расстались, а тринадцать лет назад. Многое, о чем еще сегодня говорили — о превосходных советских писателях, расцвете театра, трудколониях, тайнах физического устройства сердца, о Кавказе и Угличе, о комсомоле, о Днепрогэсе и постройке второй в мире плотины-пломбы в Аварии, в Гергебиле, — все это сложилось не в день; неизменен был только один измеритель времени — сам Горький. Всё так же он видел в каждом человеке его человеческую равноценность, все так же разговаривал с людьми без «внутренних дистанций», все так же собеседник, — кто б он ни был, — не попадал в состояние господина Прохарчина, который «с Наполеоном сравнялся», как у Достоевского, Горький оставался для всех близким, будящим во всех бережную любознательность.

Очень поздно. Шофер ссадил гостей, кроме меня, живущего на далеком краю Москвы.

— Читаю его книги. А что, позвольте узнать, Горький высшее кончил?

— Нет. Прочтите «Мои университеты».

— Все-таки учился в университете и не закончил?

— Нет. Он и в средней школе не учился.

— Сам дошел?

— Сам.

— Та-ак!

Долго молчал шофер.

— А все ж, предвидится ему замена?

— Пока не предвидится.

Долго вертит баранку руля, петлит по улицам; осторожно спрашивает:

— А кого первого ссадил, — как он?

— Критик.

Спрашивает:

— Может заменить?

— Нет. Горький очень большой критик, но не только критик.

— А второй?

— Редактор. Хороший редактор; замены быть не может.

— Ну, а молодой, которого туда вез?

— Очень хороший писатель.

— Не может?

— Нет! Горького не может...

Спустя минуту:

— Извините. Давно вы работаете?

— Больше двадцати лет.

— А себя как полагаете?

Смеюсь:

— Насчет «замены» — ни-ни...

— Вот какое дело, — с грустным изумленьем протягивает шофер.

Он говорил так, точно великие учители жизни, неслыханной громадности писатели не должны переводиться, так как это — в убыток государству.

— Может быть, скоро будет?

Говорю:

— Но Горький — неповторим.

Шофер, словно с укоризной, молчит до самого Измайлова.

Схожу:

— А все-таки, счастливый вы, — вздыхает шофер. — Цельный день проговорили с ним.

...Вспоминаю старика-швейцара на Кронверкском; 34 года назад каждому, входящему в под'езд, старик говорил с улыбкой сочувствия, оглядывая — не виден ли край рукописи из кармана или под бортом пальто:

— К Пешкову? Дома!

— А можно?

— Раз дома — к нему всегда можно. Он ждет вас.

— Меня он не знает.

— Эва, не знает. Он всех знает и поджидает...

Сторож парка, абхазец на Афоне, — вслед удаляющемуся с молодыми людьми Горькому:

— Каждый год жизни отдал бы ему... я уже считал провожающих: хватило б ему!

И еще раз сосчитал провожающих глазами, с изумлением простого, но невыполнимого желания, прибавил:

— По полгода, вижу, отдадут, и то хватит. Ему б хорошо, и всякому человеку хорошо бы!

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ

С. МАРШАК

I

В молодости — задолго до своей всемирной славы — Горький напечатал в «Самарской газете» замечательное письмо, проникнутое гневом и негодованием.

Алексей Максимович со всей горьковской непримиримостью и прямотой обличал тех, по чьей милости 280 мальчиков — «будущих ценных граждан» — не были приняты в самарские городские школы.

«Быть может, среди них есть таланты», — говорил он, обращаясь к равнодушным и глухим «отцам города».

И в том же 1895 году он писал о детях, изувеченных станком на одном из волжских заводов, о беззащитных детях — заводских учениках, которые стоили дешевле машин, потому что нуждались «только в ругани, в толчках, пинках, подзатыльниках и выволочках».

Если в последние годы своей жизни Алексей Максимович так заботился о литературе для советских детей, то и полвека тому назад он много думал о детях. Он хлопотал о коньках для ребят городской окраины и мастерил для деревенских мальчиков и девочек самодельные альбомы, наклеивая на чистые страницы рисунки из журналов.

С молодых своих лет он с полной ясностью представлял себе огромные воспитательные задачи писательского дела и те большие обязанности, которые лежат на каждом взрослом человеке по отношению к ребенку.

Он замечал детские беды, мимо которых многие проходят равнодушно.

Помню, я видел у него на столе бандероль, приготовленную к отправке в какой-то глухой городок на имя школьника. В бандероли было два экземпляра «Детства».

Оказалось, у мальчика случилась беда: он потерял библиотечный экземпляр этой повести и в совершенном отчаянии решился написать в Москву самому Горькому.

Алексей Максимович откликнулся без промедления. Он всю жизнь помнил, как трудно доставались книги Алеше Пешкову!

В 1905 году, когда я был учеником ялтинской гимназии, он прислал ко мне двух наголо стриженых мальчуганов лет десяти и попросил учить их читать-писать.

— Понимаете, приходят и говорят: «Максим Горький, учите нас грамоте!» А мне, признаться, некогда. Уж так и быть, поучите их за меня. Славные ребята. Этакие великолепные круглые затылочки!..

Горький очень заботился о том, чтобы его собственный сын, которому довелось расти в иной, несравненно более благополучной обстановке, чем та, в которой рос когда-то Алеша Пешков, представлял себе, как живется множеству детей в тогдашней России.

Письма Горького к маленькому Максиму со всей убедительностью рисуют его отношения с сыном — мужские отношения, крупные, сочетающие в себе непринужденную шутливость с полной серьезностью.

Эти письма пронизаны верой в то, что ребенок должен понимать и понимает общественные обязанности настоящего человека.

Вот строчки из одного письма Алексея Максимовича сыну:

«Ты уехал, а цветы, посаженные тобою, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы.

Вот если-бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе — легка и приятна была-бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало-бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять.

. . . .

Ну, всего хорошего, Максим!

Алексей»

В отсутствии отца Максим очень скучал, хоть и старался не показывать своих чувств окружающим.

Но отец догадывался об этом, и в те времена, когда большие обязанности писателя-революционера мешали его встрече с Максимом, писал ему:

«Спроси маму, что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, славный ты мой!

Алексей».

II

У Алексея Максимовича было много корреспондентов — пожалуй, больше, чем у кого-либо из современных писателей. И значительная часть писем, засыпавших его рабочий стол, приходила от ребят и подростков.

А между тем, Горький только изредка — считанное число раз за всю жизнь — участвовал в литературе для детей, писал сказки и шутливые рассказы.

Но зато он много думал о детях, много делал для них, щедро отдавая им время, мысли, душевную заботу.

Его ответы на детские письма никогда не бывали просто автографами знаменитого писателя.

Следовало бы подобрать и издать отдельно все его письма к детям — к своим и чужим.

Иногда это озорные, причудливые страницы, словно нарочно написанные для того, чтобы порадовать, развеселить ребят, которым не слишком весело жилось.

Иной раз это дружеские советы, целая программа работы и поведения. А подчас и суровый упрек. Таково, например, письмо к пензенским школьникам, пожелавшим вступить в переписку с Максимом Горьким и наделавшим при первом же дебюте множество грамматических ошибок.

«Стыдно ученикам 4-го класса писать так малограмотно, очень стыдно», — говорил им Горький в своем ответном письме.

Возможно, что школьники не заслужили бы такой отповеди, если бы Алексей Максимович обнаружил в их письме что-нибудь большее, чем желание получить собственноручное письмо от знаменитого человека.

Но такие ответы — редкость, чуть ли не единичный случай в переписке Горького с детьми.

Меньше всего в его письмах к ним наставительности и снисходительности. Он писал в полную силу, не жалея беллетристической выдумки, смелого и веселого воображения.

До революции он пытался скрасить неприглядную жизнь детей городских окраин и деревенских ребят, чем мог.

Во весь голос говорил он в газетах о детях — жертвах бессмысленного и жестокого социального строя, о десятилетнем человеке Иване Китаеве, прибывшем в Самару из Баку по этапу в арестантской одежде.

«Подумайте, — писал он. — Мальчик десяти лет путешествует по этапу и обучается арестантской премудрости...»

В Нижнем Горький ежегодно устраивает для рабочей детворы елку на тысячу ребят. Эти «горьковские елки» надолго запомнились нижегородцам.

Он переписывается с мальчиками и девочками, а иной раз с целыми группами ребят, живущими в разных концах страны. Замечательны по своему мягкому и неожиданному юмору его письма к маленьким бакинцам, которым он обещает показать, что делается с самоварцем, если в него положат угли и забудут налить воду.

Он затевает самодельные альбомы, а потом и детский журнал и альманах с участием крупных писателей и художников.

Во время империалистической войны он обращается к Роллану, Уэллсу, Фритиофу Нансену с просьбой написать для детей биографии великих людей всего мира, чтобы «внушить молодежи любовь и веру в жизнь», «научить людей героизму».

«Именно сейчас необходимо это сделать, в эти дни зверства и торжествующего скотства».

Сквозь множество статей и писем Алексея Максимовича, написанных им в различные времена его жизни и в разных обстоятельствах, проходит красной нитью деятельная забота о будущих поколениях, об игрушке и книге для детей, о просторе для их игр и занятий, о правах ребенка — будущего гражданина.

Но настоящий размах и силу эта сторона деятельности Горького приобрела только после революции, в советское время, когда воспитание и образование миллионов детей и юношей стало заботой партии и делом государственной важности.

Вот когда нашла себе полное применение и развернулась во всю ширь неутомимая энергия великого революционера-просветителя, Алексея Максимовича Горького.

Он стал душой новой советской литературы для взрослых и для детей, он стал инициатором самого большого в мире издательства детской и юношеской книги.

Он вступил в переписку с тысячами ребят своей страны.

III

Помню, это было перед С'ездом писателей.

Алексей Максимович сидел в своей библиотеке, в квартире на Малой Никитской, а перед ним на столике лежали груды детских писем, рисунков, чертежей, фотографических карточек.

Все это прислали дети нашей страны в ответ на письмо Горького, в котором он спрашивал их, что они читают, какие книги им нравятся, о чем они еще хотели бы почитать.

Письма были бережно собраны и прочитаны ближайшим помощником и другом Горького — Максимом Алексеевичем Пешковым.

Тысячи отдельных листков составили вместе внушительный том — итоги своеобразного детского плебисцита.

Горький был доволен. Ответы ребят оказались интереснее и содержательнее, чем он ожидал, когда начинал свою переписку.

Радовало его и то, что письма пришли из самых отдаленных деревень, станиц, поселков Советского Союза.

Внимательно разглядывал он адреса своих корреспондентов и почтовые штемпели на конвертах:

Станция Сары-Озек на Турксибе.

Чувашская АССР, пристань Ильинка.

Село Чумляк.

Брединские копи.

— Вот как глубоко зачерпнули, — говорил Алексей Максимович, бережно приводя в порядок горку просмотренных писем.

Адрес Горького на многих конвертах был обозначен весьма неточно. «Город Москва, Кремль. Товарищу Максиму Горькому». Или еще короче: «Максиму Горькому».

Это было похоже на адрес, написанный на конверте чеховским героем — сапожным учеником Ванькой Жуковым:

«На деревню дедушке».

Но письмо Ваньки Жукова вряд ли дошло до дедушки Константина Макарыча, а все эти тысячи писем, адресованных ребятами дедушке Горькому, были исправно доставлены по назначению даже в тех случаях, когда в адресе отсутствовало название города.

— Отлично, превосходно, — приговаривал Алексей Максимович, читая письмо за письмом. — Вы только послушайте, как точно выражают они свои мысли. Язык-то какой!

«...Некоторых из нас интересует загадочная история небесных светил».

Или: «Я хочу прочитать книгу о хищном и дерзком звере тигре».

«Хищный и дерзкий зверь» особенно растрогал Алексея Максимовича. Вытирая платком глаза, он сказал: — А пожалуй я и сам написал бы что-нибудь в этом роде, если бы какой-нибудь чудак вздумал спросить меня во времена моего детства, о чем бы я хотел почитать.

Большая часть ответов ребят была написана на клочках бумаги, на страничках, вырванных из тетрадок. Почерк почти у всех был крупный, — значит, места для письма оставалось очень немного. И все же ребята ухитрялись рассказать Горькому в немногочисленных и кривых строчках не только о своих читательских потребностях и вкусах, но и о своем житье-бытье и даже о погоде:

«Скоро картошку копать. А сено у нас сухое, под дождем не было ни разу».

— Вот это серьезный разговор, — говорил Алексей Максимович, читая обстоятельное письмо хозяйственных деревенских ребят.

А вслед за сведениями о погоде и работе колхозные ребята сообщали Горькому, что они хотели бы почитать книги о том, как устроить винт для самодельного броненосца, на что, в какое время и какая рыба клюет, и о происхождении земли и человека.

— Как видите, тут целая программа, — сказал Горький, и прочел вслух заключительные строки одного из писем:

«Нам хотелось бы, чтобы старые книги перепечатывались, а новые чтобы были интереснее старых».

В нескольких письмах ребята просили Горького позаботиться о том, чтобы книги, издаваемые для них, были написаны «детским языком».

Выражение это понравилось Алексею Максимовичу.

— Слыхали вы о существовании такого языка? — спросил он, улыбаясь, а потом, уже вполне серьезно, об'яснил, что «детский язык», о котором пишут ребята, это не упрощенный и не бедный язык, а предельно ясный, точный, лаконичный.

И озабоченно нахмурившись, он стал говорить о том, что гораздо легче ответить на все запросы детей сухими докладами и скелетообразными конспектами, чем живыми, простыми по языку и сложными по содержанию книгами.

— А вы почитайте, на чем настаивают эти читатели, — сказал он и протянул мне несколько писем, которые привлекли его особое внимание.

В одном из этих писем говорилось:

«Дайте не описания, а случаи».

В другом было сказано:

«Дайте в книжке всю судьбу героя, какие у него были товарищи, как нашел он в жизни свою дорогу, и были ли у него опасности и подвиги».

Эти слова, сказанные от всей души, отчетливо выразили, по мнению Алексея Максимовича, те требования, которые пред'являют к детской повести люди, вступающие в жизнь. Им нужно видеть в книге «не только отдельные эпизоды из жизни героя», но и «всю его судьбу». Им нужны приключения, опасности, подвиги, потому что сами они готовятся к жизни суровой и героической. Им нужны примеры, подтверждающие прочность дружбы.

Одним из последних попало Алексею Максимовичу в руки такое письмо:

«Дорогой Максим Горький, я очень люблю смешные книжки. Мне 8 лет».

— Аргумент весьма убедительный, — заметил Алексей Максимович. — Человеку восемь лет. Ничего не поделаешь, надо дать ему смешные книжки.

* * *

Горький пристально вглядывался в строчки, написанные руками детей на листках из тетрадок, как бы стараясь возможно явственнее представить себе черты будущих советских граждан.

«Здравствуй племя, младое, незнакомое!»

Он умел видеть в детях будущих взрослых и, переписываясь с детьми нашей страны, вел разговор с будущим.

К магазину Когиза под'езжает автомашина...

Обзор писем, читателей

Растут тиражи книг, издаваемых в нашей стране, но спрос на них растет в еще большей степени. Книга у нас стала насущной потребностью, предметом первой необходимости для миллионов граждан. Проблема книги и ее распространения стала в подлинном смысле этого слова всенародной проблемой.

Десятки писем, ежедневно поступающих в редакцию «Литературной газеты», справедливо критикуют работу книготорговой сети. Авторы писем далеки от того, чтобы опорочить работу честных и преданных тружеников книжной торговли. Но факты, сообщаемые нашими читателями, заставляют бить тревогу. Что-то неблагополучно в самой системе и в практике книжной торговли.

«К магазину Когиза под'езжает груженная книгами автомашина, — читаем мы в присланном из Автозаводского района гор. Горького письме тов. Э. Руттер. — Грузчики снимают большие пачки книг. На их корешках виднеются фамилии популярных писателей. Но напрасно читатель, не искушенный в тайнах распространения книг, будет каждый день наведываться в книжный магазин. Здесь он услышит от «изобретательных» продавцов довольно избитые фразы: «Подождите, товар еще не принят» или: «Еще нет указаний о продаже этих книг». Пройдет неделя-другая, и настойчивому читателю будет заявлено, что «интересующие его книги уже распроданы».

Действительно ли они распроданы? Неужели автор этого печального письма попросту упустил тот счастливый момент, когда книги были выброшены на прилавок? Вероятнее всего, этого счастливого мгновения вовсе и не было. В лучшем случае с новинками литературы было проделано то, о чем сообщает нам из Донбасса наш читатель тов. Падалко:

«Как только в Сталино приходит новая партия книг, заведующий областным отделением «Укркнигокульттогра» тов. Аккерман садится за телефон и начинает обзванивать соответствующие различные учреждения. Минуя магазин, ценные книги распределяются «закрытым» способом. Но беда не только в этом. В городе укоренилась практика накапливания книг для всякого рода совещаний, созываемых в областном центре. В результате на складах месяцами лежат без движения книги на десятки тысяч рублей. Книги ожидают очередного областного совещания, на котором они будут продаваться только его участникам».

Значительная часть тиража любой книги еще в Москве в централизованном порядке выделяется для библиотечной сети, для разных ведомств и т. д. Казалось бы, что остальная часть тиража, поступающая в книготорговую сеть, должна продаваться непосредственному потребителю книги — читателю. На деле получается совсем не так.

«Однажды, — пишет нам из Сухиничей тов. Левицкий, — я зашел в магазин сухиничского Когиза и увидел на полке «Былое и думы» Герцена. Я попросил, чтобы мне продали эту книгу, но продавец отрезал: «Эта книга и другие книги отпускаются только по распределению районного отдела народного образования». Я начал уговаривать продавца продать мне томик Байрона. Последовал ответ: «Экземпляры этой книги отложены для парткабинета и других районных учреждений».

Итак, в лучшем случае распределение книг осуществляется посредством телефонных звонков. В худшем — продажей из-под полы. И в обоих случаях это — попирание принципов открытой торговли.

Любому школьнику известно, что в Коломне Московской области каменный уголь не добывается. Почему же туда заслали пятьдесят экземпляров книги Изотова «За полную загрузку врубовой машины»? Этот вопрос волнует не только нашего читателя тов. Миляева. Нередко сельскохозяйственная литература ни с того ни с сего попадает в районы рыбных промыслов, а литература для рыболовов — в безводные районы. И все это происходит из-за отсутствия простейшего учета спроса на книгу.

В Витебске производят станки. Не первый год существует там специализированный техникум. Туда бы и посылать в достаточном количестве литературу по металлообработке. Но не тут-то было!

Тов. Бармас пишет нам из Витебска:

«На московском складе Машгиза лежит 3.000 книг Егорова и Дементьева «Технология механической обработки металлов», а купить для витебского техникума 100 экземпляров невозможно. Издательство Машгиз не торгует книгами, экспедиции у него нет, а Когиз эти книги не берет, ошибочно считая, что на них нет спроса».

Практиковал Когиз до войны так называемый «заказооборот». Магазины учитывали заявки на книги. Затем этот учет обобщался для сведения издательств. Как сейчас обстоит дело с «заказооборотом»? Если судить по письмам, эта хорошая традиция забыта.

Всем известно, что в союзных республиках проживает значительное количество русских и читающих по-русски людей. Между тем факты, сообщаемые нашими читателями, вызывают некоторую тревогу и недоумение. Тов. Думский пишет из Одессы:

«В Одессе насчитывается до десятка книжных магазинов. Но попробуйте хоть в одном из них приобрести книгу на русском языке. Вы ее там не найдете. В то время как магазины Одессы завалены книгами на украинском языке, в районах Одесской области, где спрос на украинскую книгу велик, — ее нет в продаже».

Примерно о том же сообщает и тов. Гусева из Киева. Есть серьезные основания опасаться, что и в других союзных республиках положение с литературой на русском языке не лучше.

Давно и упорно мы боремся за культуру в торговле. Как же торгуют книгой — самым культурным из товаров? Вот характерное письмо одного из наших читателей, научного работника тов. Елина:

«Во многих магазинах Москвы отсутствуют витрины с книгами, а подойти к прилавку и ознакомиться с книгой не так-то легко. Кроме того, продавцы не всегда охотно отвечают на вопросы покупателя, сколько стоит книга или какая литература должна поступить на этой неделе и т. д. В отдельных магазинах существует порочный метод распространения книг: пока не будет распродана книга под одним названием, здесь не приступают к продаже другой. У продавцов нет заинтересованности в том, чтобы больше распространить книг, чтобы лучше обслужить потребителя».

Нелегко подписаться на большинство наших изданий. Нашему ленинградскому читателю тов. Пшедецкому повезло. У него приняли подписку на собрание сочинений Чернышевского, но...

«... ленинградские подписчики уже предупреждены: первый и пятнадцатый томы выданы не будут. А выдача остальных томов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него приняли подписку на Большую советскую энциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... я, — пишет он, — до сих пор не получил 33-го и 39-го томов. В течение двух лет я обращаюсь к работникам Саратовского отделения Когиза и всегда получаю один и тот же ответ: на складе Когиза этих томов нет. Поищите их на рынке».

А куда, любопытно, книготорговцы посоветуют обратиться харьковским читателям, подписавшимся на собрания сочинений Чехова и Мопассана? Неужели тоже на рынок? Бригада работников Харьковского облкнигокультторга (тт. Фарфель, Копейчиков, Сосновский и Лавочкина) сигнализирует нам о возмутительном головотяпстве:

«В декабре прошлого года по железнодорожной накладной № 671619 вместо 36 экземпляров седьмого тома сочинений Чехова и 90 экземпляров шестого тома сочинений Мопассана работники базы Когиза для тождественности веса уложили 160 экземпляров брошюры Немова «Хозяйствуй экономно», 38 экземпляров книги Викентьева «За бережливость» и сотни разных брошюр. В результате — десятки подписчиков не получили книг Чехова и Мопассана...»

А как же быть в тех пунктах, где и вовсе нет книжных магазинов? Вот, например, в городе Талица Свердловской области? Нам пишет оттуда тов. Вишняков:

«В нашем городе ни на одно издание художественной литературы не принимается подписка. Поедешь в Свердловск — и там ничего не добьешься. Где же нам, учителям, подписаться на новые книги? Как завязать связь с существовавшей до войны организацией «Книга — почтой»?»

Город Кедайняй Литовской ССР в лучшем положении, нежели Талица. В нем имеется книжный магазин. Но, как пишет нам тов. Борейшо, этот магазин:

«... в течение недели торгует не больше пятнадцати минут. Книг нет, и торговать нечем. Где же купить книгу? Когда-то в Москве существовала такая организация, «Книга — почтой», но сейчас она похоронена».

И тов. Борейшо, и тов. Вишняков, и многие другие почему-то пишут о «Книге — почтой», как о дорогом покойнике. А ведь ходят упорные слухи, что она не только существует, но и проявляет какие-то признаки деятельности. Но тщетно вы стали бы искать в радиопередачах или печатных изданиях об'явлений о ее существовании. Догадается человек по старой памяти прислать в Москву заказ, — его счастье. Заказ постараются выполнить. Но оповещать о своем существовании «Книга — почтой» по каким-то неведомым причинам не спешит. Что это? Скромность, застенчивость или боязнь излишних хлопот?

Положение в книжной торговле явно неблагополучно. Союз советских писателей и его орган «Литературная газета» считают дело продвижения книги к читателю своим кровным делом. Созданная правлением Союза писателей и «Литературной газетой» комиссия уже приступила к проверке организации книжной торговли в Москве. В ближайшие дни писательские бригады выедут в города и сельские районы страны. Книги должны доходить до читателя без задержек и без разнообразнейших «утечек» и «утрусок» в пути — начиная от типографии и кончая книжным прилавком.

Тов. Артемин пишет нам от имени нефтяников Грозного:

«Желаем вам, товарищи писатели, чтобы работа ваших бригад, вторгающихся в область распространения книги, была бы «глубоким бурением», а не случайной вспышкой, чтобы результат этой работы был положительный».

Писатели принимают этот читательский наказ к неуклонному исполнению.

Л. ЛАГИН,
А. ДУНАЕВСКИЙ.

И. УСПЕНСКИЙ

Самая уродливая цивилизация планеты...

Свыше сорока лет тому назад А. М. Горький приехал в Америку. Его приезд был значительным событием в международной жизни.

Эптон Синклер писал, что никогда еще американский народ никого не встречал с таким энтузиазмом. Писатель выступал на митингах в Нью-Йорке и Бостоне. Темы выступлений были самые разнообразные: о революции 1905 года, о положении женщины в России, о Государственной думе, о еврейском вопросе и др. На первом же митинге в Нью-Йорке присутствовало 5.000 человек.

Алексей Максимович хотел дать американцам правдивое представление о России. Он знакомит их с деспотизмом и произволом царизма в памфлете «Русский царь». На митингах он рассказывает американцам о России, ее народе, ее богатствах.

Популярность Горького в Америке была столь велика, что, идя навстречу общественному мнению, президент Т. Рузвельт назначил ему прием в Белом Доме. Правящие круги Америки и ее плутократия с Уолл-стрита ждали от Горького хвалы пресловутому величию американской «демократии» и американским «свободам».

Но лживая пропаганда американских «свобод» и «демократии» не обманула писателя-революционера. Горький сумел разглядеть подлинное лицо американской буржуазной лжекультуры и лжецивилизации.

Центр мировой реакции ныне переместился в США. Этот процесс подготавливался издавна. И сорок лет назад, когда еще мировая реакция гнездилась в европейских столицах, Уолл-стрит уже был одной из ее могущественных баз. Горький увидел, что «Новый Свет» обладает теми же пороками, что и «Старый», но в более грандиозных масштабах. В момент приезда писателя в Америку капиталистическое «правосудие» готовило классовую расправу над двумя невинно осужденными социалистами. Горький послал телеграмму протеста. Это вызвало взрыв ярости реакционных кругов. В желтой прессе начался поход против Горького. Прием в Белом Доме был отменен.

Реакционные круги искали повода для травли. Его нашел репортер «New York world». Ему помогали царский посол в Вашингтоне и группка политических авантюристов-эсеров во главе со ставшим впоследствии белобандитом Чайковским. Газетка «Уорлд» начала распространять грязную сплетню о Горьком. Ее подхватили остальные продажные американские газеты. Агентство «Ассошиэйтед Пресс» распространило по всей стране клеветническую телеграмму мракобеса-сенатора из Миннесоты Кнута Нельсона. Вскоре редактор этого агентства из рук русского царя получил орден за особые услуги.

Травля велась, как говорил Алексей Максимович, с американским размахом, в тридцать три этажа. Реакционеры рассчитывали, что Горький не выдержит и покинет Америку. Травля желтой прессы перерастала в угрозу физической расправы с писателем.

Горький остановился в отеле «Белльклер». Здесь ночью, во время его возвращения с одного из многочисленных митингов, разыгралась позорнейшая сцена. Администрация отеля учинила погром, выбросив вещи писателя, причем впоследствии, кстати, обнаружилась и пропажа золотых часов. Приказ реакции распространялся повсюду. Остальные владельцы отелей Нью-Йорка действовали в едином сговоре — не принимать Горького! К клевете желтой прессы и гангстерству владельцев отелей присоединился еще визг тартюфов в рясах. Священники «громили» писателя с церковных кафедр.

Американские реакционеры намеревались запугать Горького. Но пигмеи просчитались в своих расчетах. Алексей Максимович сообщает К. Пятницкому о множестве телеграмм, полученных им из Франции, Италии, Финляндии, Германии и других стран с выражением протеста против реакционной травли. Поступали сотни предложений от рабочих, интеллигентов и фермеров с просьбой поселиться у них.

В американской печати стали раздаваться голоса передовых людей мира против преследователей. Одним из первых выступил Джек Лондон. Американская реакция вынуждена была искать путей отступления.

Алексей Максимович писал, что реакционеров более всего раздражает его презрение к шумихе, поднятой желтой прессой.

Но еще более беспокоило американскую реакцию то, что Горький на весь мир говорил о «Новом Свете», разоблачая легенду о его «демократии», «культуре», «свободах». Ни один писатель мира не сказал столь беспощадной правды о лживости американской «демократии» и «свободы». Ни Марк Твэн, ни О. Генри никогда не могли подняться в критике американской действительности до силы, смелости и страстности горьковского обличения. В своем памфлете «Город Желтого Дьявола» Горький сумел разоблачить сущность капиталистического рабства в Америке.

Культ доллара опустошает среднего американца: «свободы внутренней, свободы духа — не светится в глазах людей».

Горький показывает, что в Америке нищета миллионов достигла ужасающих размеров. Живя в Ист-Сайде (рабочий район Нью-Йорка), он был потрясен нищетой детей. «Ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю», — писал он.

В памфлете «Один из королей республики» в остро сатирических тонах раскрыта структура капиталистического общества. Истинный хозяин страны — миллионер, некоронованный король Америки. Он — главный жрец Желтого Дьявола. Трудящемуся он оставляет столько «денег, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше». Все остальное — доход миллионера. Правительство — верный приказчик некоронованного короля. О правительстве миллионер говорит презрительно: «Это те... в Вашингтоне?.. Это очень добрые ребята». Всю человеческую культуру миллионер сводит к двум книгам: библии и главной бухгалтерской. Ценность человека он измеряет деньгами: «Человек, у которого есть 500 долларов, в десять раз лучше того, который имеет только 50».

Почти полвека прошло со времени создания этого бессмертного памфлета. Но горьковские строки словно сегодня написаны. Сущность американской реакции не изменилась. Изменились только масштабы ее гнусной деятельности.

Пребывание в Америке на всю жизнь вызвало у Горького отвращение к загнивающей американской культуре.

В начале 20-х годов редакция одного из американских журналов обратилась к Горькому с вопросом: «Что Вы думаете о цивилизации Америки, ненавидит ли Ваша страна Америку?»

Ответ не был опубликован в журнале. Горький писал, что редакция, очевидно, не ожидает, что найдется человек, способный ответить от имени своего народа, что его народ, его страна ненавидят Америку — весь ее народ, рабочих и фермеров, ее науку и ученых, ее технику и писателей, художников, музыкантов. «Надеюсь вы не ожидаете, что найдется идиот, способный ответить на ваш вопрос так безумно, с такой ненавистью к людям и культуре.

Но, разумеется, то, что вы называете цивилизацией С.Ш.С.А., — писал далее Горький, — не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация, это — самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации.

...Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но — ваши хуже. Они видимо более глупо жадны к деньгам. Кстати: слово «бизнесмэн» я перевожу для себя словом — маниак.

Вы подумайте, как все это глупо и постыдно: наша прекрасная планета, которую мы с таким трудом научились украшать и обогащать, — почти вся наша земля в жадных руках ничтожного племени людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать».

Горький обладал неиссякаемой верой в человека. Он был убежден, что американский народ найдет в себе силы для победы над реакцией. В своих письмах Горький с восторгом говорит о простых людях Америки, их энергии, их трудолюбивости, их любви к техническому размаху. В горах Адирондакс он создал чудесную новеллу о старом охотнике Чарли Мэне, который больше всего ценит в себе и окружающих его существах стремление к воле. Чарли выпускает своего пленника ястреба на свободу, убедившись, что сильная птица не может примириться с неволей. Новелла о Чарли Мэне имеет символический смысл — веру в вольнолюбие простого человека Америки.

Почти полвека тому назад Горький направил свое оружие гуманиста-революционера против грязного цинизма американской реакции. На глазах всего мира происходило это невиданное единоборство с продажной прессой и пропагандой американской реакции. И в этом единоборстве победил несокрушимый героический горьковский дух. Горьковские памфлеты об Америке и ныне остаются на идеологическом вооружении передового человечества в его борьбе с американским фашизмом.

Андрей БЕЛОЗЕРОВ

В вашингтонском притоне

I

Это было в знаменательные февральские дни 1944 года.

Через заснеженные степи, наперекор стуже и непогоде, советские войска приближались к государственной границе СССР. Простые люди Старого Света — французы, чехи, сербы, бельгийцы, датчане — затаили дыхание: армия освобождения стояла у ворот Европы.

И вот в те памятные дни, когда над европейскими равнинами, обагренными кровью миллионов жертв немецкого фашизма, блеснул долгожданный луч освобождения, в центре Европы, у подножия швейцарских Альп, в модном курортном городке раздался исступленный крик насмерть перепуганного человека:

— Остановите русских!..

«Остановите русских!»—именно к этому сводился смысл книги, принадлежавшей перу обитателя фешенебельного швейцарского курорта, которая в те дни вышла в Берне. Автором книги был Григорий Гафенку, в прошлом румынский министр иностранных дел и посол в Москве.

Имя Гафенку неразрывно связано с предисторией румынского фашизма. Давний и последовательный сподвижник Маниу, он всю свою деятельность подчинил основной цели манистской партии: духовно сковать трудовой народ Румынии, предотвратить возможность социального взрыва. В немалой степени он содействовал установлению диктатуры Антонеску. Больше того: Гафенку взял на себя труд заложить основы взаимопонимания между странами «оси» еще до прихода к власти Антонеску. Для этого Гафенку посетил в 1939 году Гитлера, Муссолини и их англо-французских сподвижников — Чемберлена и Даладье.

Нет ничего удивительного в том, что после установления в Румынии фашистской диктатуры Гафенку получил особо ответственный пост посла в Москве. Гафенку не скрывает, что в своей деятельности в Советском Союзе он искал поддержки у итало-германских коллег, с которыми, судя по книге, у него были весьма близкие отношения. Он признает даже, что, когда румынское министерство иностранных дел предложило правительству отозвать его, немцы и итальянцы воспротивились этому, и Гафенку пробыл на посту посла вплоть до начала второй мировой войны.

В отличие от некоторых своих коллег, предсказывавших «скорую гибель» советской державы, Гафенку не придерживался столь категорического мнения, — очевидно, пребывание в Москве пошло ему на пользу. Возвратившись из СССР, он, видимо, решил занять выжидательную позицию и временно поселился в Швейцарии. Это ни в коей мере не мешало его хорошим отношениям с немцами и тогдашним бухарестским правительством. В знак благодарности за услуги, которые оказал Гафенку и тем и другим, правительство Антонеску бережно отнеслось к весьма обширной собственности Гафенку, которая давала ему значительные доходы.

Сидя на своем швейцарском Олимпе, Гафенку не оставлял румынских дел, забрасывая бухарестских друзей письмами. К его опыту и соответствующим знаниям все чаще обращался Михай Антонеску, негласным советником которого, по существу, был Гафенку в последние годы. В этой связи закономерна позиция Гафенку во время войны: он безмолвствовал, одобряя захват немцами европейских государств. Но едва Советская Армия-освободительница приблизилась к границам европейских стран, он взвыл.

Страх проник в его сознание — страх перед опасностью народного взрыва.

Вот почему он завопил: «Остановите русских!»

«Худшее», чего опасался Гафенку, произошло: румынский народ обрел долгожданную свободу. Очевидно, удар был в такой мере чувствителен, что на некоторое время Гафенку словно оцепенел. Потом он обнаружил признаки жизни—ему показалось, что не все еще потеряно. В его уме возник план создания некоего эмигрантского правительства. Он кликнул клич.

Но мало кто отозвался на призыв Гафенку. Прибыло, как их потом назвали в иностранной прессе, «трое бывших»: бывший посол в Лондоне Тиля, бывшие министры иностранных дел Вишояну и Никулеску-Бузешть.

II

Прямо скажем: выбор небогатый...

Бывший румынский посол в Лондоне Тиля больше известен у себя на родине в качестве председателя футбольной ассоциации, чем в качестве дипломата. Что касается Вишояну, то, будучи профессиональным дипломатом, он всю жизнь добывал средства с помощью финансовых афер: он и в этот раз попал в Швейцарию, предварительно выкрав из кассы румынского правительства кругленькую сумму. Наконец Никулеску-Бузешть—он в течение своей довольно продолжительной дипломатической карьеры не поднимался выше посланника в лимитрофном государстве — на пост министра иностранных дел попал совершенно случайно и, пробыв на этом посту несколько больше двух месяцев, исчез в небытие...

Однако неожиданно новые сподвижники Гафенку выдвинули серьезные возражения против того, чтобы он возглавил румынский зарубежный центр. Они заявили, что Гафенку безнадежно скомпрометировал себя и на родине и за границей связями с немцами и Михаем Антонеску. Это было очевидным даже для таких махровых реакционеров, какими являются Вишояну, Тиля и Никулеску-Бузешть.

Возник вопрос: кто же станет во главе румынской эмиграции? Как ни старались зарубежные сподвижники Маниу отыскать «безупречно честную» личность, за которой бы «пошли массы», никого «честнее и безупречнее» генерала Радеску они не нашли.

До декабря 1944 года генерал Радеску был мало известен даже в румынских политических кругах. В свое время Радеску занимал пост военного атташе в Лондоне, ничем себя там не проявив. Узкий круг лондонских друзей Радеску знал, что генерал был человеком весьма реакционных взглядов, считающим, что народ необходимо держать в «железных рукавицах». Очевидно, эти качества Радеску сыграли роль при назначении его премьер-министром.

Под напором масс в декабре 1944 года дрогнули устои правительства Санатеску. Маниу обвинил премьера в отсутствии достаточной твердости по отношению к коммунистам и народу. Манисты решили заменить Санатеску лицом, которое сумело бы внушить народу страх. Было названо имя Радеску.

Прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, новый премьер произнес речь, полную угроз по адресу народа. Вслед за этим он устроил в центре Бухареста, на Дворцовой площади, страшное побоище, встретив безоружные толпы трудящихся пулеметным огнем. Он лично руководил расстрелом рабочей демонстрации.

Едва эта весть стала известна в стране, великий гнев охватил народ. Боясь кары, Радеску оставил свой пост и бежал в... английское посольство, совершенно определенно показав этим, кто направлял его преступную руку. Слишком чудовищно было преступление Радеску, чтобы он мог безбоязненно выбраться из своего логова и показаться на глаза народу. Поэтому, уловив момент, покровители Радеску переправили его на один из островов в Средиземном море, откуда он перекочевал в Португалию. Так закончил свою миссию этот скороиспеченный румынский диктатор, принесший за два месяца пребывания на посту премьера столько горя народу.

III

В наши дни все ренегаты и политические холопы, независимо от того, немецким, английским или американским клеймом они мечены, устремляются за океан, стремясь заполучить помощь и благословение долларового божка. И вот вперегонки, таясь друг друга, устремились в Америку — и немецкий холоп Гафенку, и английский холоп Радеску: один через Лиссабон, другой через Гавр. Что говорить, каждый из них связывал со своим путешествием сокровенные надежды.

Соединенные Штаты встретили новоявленных спасителей Румынии красноречивым равнодушием. Комментируя их приезд в Нью-Йорк, крупная американская пресса весьма определенно дала понять, что в Америке слишком хорошо знают и Гафенку и Радеску, чтобы не тратить денег попусту... Поэтому, если всерьез говорить об известных расходах на румынские дела, то американские бизнесмены, может быть, пойдут на это, если румынское движение за рубежом возглавит экс-король Михай. Может быть...

В Европу полетели телеграммы: в Нью-Йорк требуют самого экс-короля. И бывший румынский монарх стал собирать чемоданы.

Приезду Михая предшествовала шумная кампания в прессе. Газеты не скупились на краски. В стремлении возвысить короля печать наделила его качествами, приписывание которых незадачливому королю,—у людей, знающих румынского экс-монарха, могли вызвать только улыбку: он представлялся человеком кипучей энергии, высоких интеллектуальных качеств и, что имело особое значение для американского обывателя, редкой предприимчивости. Была максимально обыграна внешность экс-короля: его портреты не сходили с газетных страниц.

Но вот английский корабль «Куин Элизабет», на котором прибыл экс-монарх, вошел в нью-йоркский порт. Михай был приглашен на пресс-конференцию, и страшное смущение охватило добрую сотню собравшихся репортеров.

Перед их взором предстала личность, которая действительно производила впечатление величавой осанкой, однако, лишь до тех пор, пока хранила молчание. Экс-король начал говорить, и впечатление, произведенное его внешностью, стало катастрофически рушиться. К концу предельно лаконичной речи Михая журналисты увидели перед собой, по существу, другого человека...

Что скрывать, экс-король не производил впечатления призванного вождя! Его односложные ответы не выдавали ни ума, ни особой одаренности. Это впечатление усиливалось манерой Михая говорить. Человек исполинского роста, он косноязычен: речь его убийственно монотонна и невнятна. Люди, которым приходилось слушать Михая, хорошо знают, что когда экс-монарх говорит, кажется, что ничто в его речи не принадлежит ему, — он просто пересказывает, запинаясь и сбиваясь с текста, плохо заученные чужие мысли.

Видимо, поэтому рядом с Михаем постоянно находится его мать, экс-королева Елена, готовая помочь сыну преодолеть неловкость, которую он мастер создавать маловразумительными ответами.

На пресс-конференции в Англии, едва экс-монарх прочел текст своего заявления, которое буржуазная пресса с таким нетерпением ждала в течение пяти недель (лондонские газеты заявили: «Он читал этот текст, запинаясь и останавливаясь, будто никогда не был знаком с ним прежде»), место Михая заняла его мать, и сама продолжала беседу с корреспондентами. В Нью-Йорке экс-королева Елена сразу же поместилась на пресс-конференции рядом с сыном и все время, по замечанию американских газет, «неприлично вмешивалась в беседу». Потом мама водила свое чадо, которое в 26 лет никак не обретет совершеннолетия, на банкет, а в прошлую среду — в Белый Дом для встречи с президентом Трумэном.

В высказываниях американской прессы сквозит плохо скрытая ирония: «Это не то...» Румынский экс-король явно не произвел впечатления. Расчетливые бизнесмены с Уолл-стрита осторожно оценивают «акции» бывшего румынского монарха...

Неизвестно, как долго будет продолжаться в Америке возня с румынским экс-королем, которая не принесет славы ни ему, ни его американским опекунам, но у всех честных людей мира она вызывает чувство омерзения. После отречения Михая прошло три месяца, и единственное, чего хочет народ Румынии, это чтобы республика становилась все сильнее. Что же, следовательно, может быть бо́льшим кощунством, чем стремление в наш век величайшего торжества человеческого разума посадить на шею суверенному народу прусского Митрофанушку?

Именно об этом мечтают Трумэн и Маршалл, которым нет дела до судеб и воли румынского народа. Именно поэтому американские поджигатели войны собрали у себя весь этот международный сброд — людей без совести, чести и родины, создав своеобразный политический притон в Вашингтоне.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Повести-пересказы

История народов Советского Союза, их национальные особенности поэтически запечатлены в народном эпосе, в грандиозных поэмах великих поэтов прошлого. Многие эпические произведения народов Советского Союза и поэмы, созданные такими гениями, как Низами, Руставели и Навои, уже переведены на русский язык коллективами поэтов-переводчиков.

Образ царевича Фархада, юноши, одаренного всеми мыслимыми совершенствами, но с первых дней своей жизни одержимого благородной печалью; юноши, который сочувствует страждущим и угнетенным и во имя любви к человечеству совершает великий трудовой подвиг, — один из любимых образов средневековой восточной поэзии. Многие поэты Востока разрабатывали этот образ. В великолепной поэме Навои он достиг, пожалуй, наиболее яркого выражения. Печаль, сопутствующая Фархаду с первых дней рождения, получила у Навои философское об'яснение: она порождена трагическим восприятием несовершенств современной Фархаду действительности.

В образе Фархада, титана, пробивающего гранитные горы, проводящего арыки на вершину горы, воздвигающего грандиозный замок, узбекский народ узнает себя. Не случайно имя Фархада присвоено одной из самых грандиозных строек Узбекистана. Перевод этой поэмы на русский язык открыл русским читателям духовный мир братского узбекского народа. Работа эта с большой любовью, тщательностью и поэтическим мастерством была в свое время выполнена переводчиком Львом Пеньковским.

Фархад в повести П. Скосырева — не совсем Фархад Навои. Связь событий целиком сохранена в повести, но с первых же ее страниц бросается в глаза новый элемент, которого нет в поэме Навои.

Первая глава повести начинается сценой рождения Фархада, отсутствующей в поэме. Эта сцена носит совершенно реалистический характер, несмотря на то, что П. Скосырев отнюдь не устраняет приемов сказочной восточной поэтики, свойственных поэме Навои. Фархад в повести также растет со сказочной быстротой.

Сохранив нравственный образ Фархада, данный в поэме, П. Скосырев реалистически истолковал его психологию. Нельзя сказать, что это реалистическое истолкование отличается особенной глубиной. И все же для нашего читателя — читателя массового, подчас не очень искушенного в изучении далекого прошлого, воспитанного на художественной реалистической прозе девятнадцатого-двадцатого веков и в особенности прозе советской, реалистические приемы повести-пересказа П. Скосырева позволят усвоить то ценное, что заключено в высоком образе, который создал Навои в своей поэме. Тот, кто не прочтет «Фархада и Ширин» в подлиннике, так как самый прием письма покажется ему абстрактным, порою аллегорически затемненным, порою слишком изощренным, тот после прочтения повести «Фархад» обязательно вернется к оригиналу. Именно в этом значение работы П. Скосырева.

Повесть П. Скосырева отнюдь не заменяет поэмы великого Навои. Сохранив общий смысл поэмы, П. Скосырев не передал, да и не стремился передать и сохранить ее философское содержание. Но тот, кто прочтет повесть, подойдет к восприятию поэмы подготовленным.

* * *

Образ богатыря Манаса киргизский народ создал, очевидно, в те далекие времена, когда Средняя Азия была вовлечена в орбиту завоевательной политики Китая. Напрягая все силы в борьбе со страшным врагом, киргизский народ воплотил в образе Манаса уверенность в своей конечной победе над многовековыми насильниками и захватчиками.

На киргизский эпос в том виде, в каком мы его знаем, наложил глубокую печать ислам с его идеей священной войны за мусульманство. Великий поход — часть эпоса, которая издана на русском языке, заканчивается апофеозом ислама.

Освободить гениальное создание киргизского народа от искажающего влияния реакционной религии, по существу чуждой и мало усвоенной киргизами, снять с эпоса покровы мусульманского фанатизма и подчеркнуть заключенные в нем мотивы борьбы киргизского народа с угнетателями — такую цель поставил С. Липкин при создании повести «Манас великодушный». Выполняя эту задачу, автор переложения утверждал и расширял элементы исторической и психологической правды, заложенные в эпосе, и сумел использовать исторические факты, чтобы развить основную сюжетную линию повести.

Манас — фигура легендарная. Но на основании социальных, бытовых и психологических деталей, которые заключены в эпосе, С. Липкин прояснил время действия, обрисовал развитие характера народного героя. Перед нами свободолюбивый народ, который отстаивает свою независимость от азиатской деспотии. Характер Манаса в эпосе, как нередко бывает с героями народных сказаний, почти лишен развития. С. Липкин, сохранив колорит сказочности, придал характеру Манаса те черты развития, которые обязательны для реалистического изображения характера. Пользуясь скупыми намеками эпоса, С. Липкин сумел нарисовать картину детства Манаса, его первых подвигов и показать, как зарождалась и крепла ненависть Манаса к угнетателям. Иногда эпитет, данный в эпосе тому или иному киргизскому богатырю, служит для С. Липкина указанием, на основе которого он изображает характер. Так создается целая галлерея сподвижников Манаса, его родичей и врагов.

В полном соответствии с историей Китая С. Липкин сделал друга Манаса Алмамбета предводителем одного из мощных социальных движений, которые не раз сотрясали китайскую империю.

И когда Алмамбет в повести превращается в предводителя движения черной кости и победоносно утверждает справедливый социальный порядок в своем ханстве Таш-Копре, читатель оказывается вполне подготовленным к этому, потому что перед ним, — правда, необычайный, но вполне реально развивающийся характер. В повести, так же, как и в эпосе, Алмамбет переходит на сторону киргизов, но лишь после разгрома возглавляемого им движения черной кости. Он отправляется искать Манаса, которому предопределено разбить ненавистную Алмамбету китайскую деспотию. Изображение Китая, одновременно и сказочно-фантастическое и реальное, — одна из больших удач книги. Китай в повести Липкина реален, так как автор воссоздает перед нами социальные условия, в которых могли произойти описываемые в ней исторические события. Сказочно преувеличенные подвиги героев, необычайные персонажи, вроде кинжалоруких людей, чародейства Алмамбета показаны С. Липкиным на фоне исторически возможной действительности. Это позволило автору переложения реалистически обосновать деятельность героев эпоса и правдиво показать их характеры и психологию. Манас, Алмамбет и другие действующие лица эпоса, конечно, существовали еще задолго до того, как мусульманское духовенство загрязнило их светлые образы, созданные народным гением, постаравшись превратить их в фанатических приверженцев ислама. С. Липкин сумел в повести о «Манасе великодушном» освободить эти образы от мрачного изуверского отпечатка, который наложил на народный эпос воинствующий ислам.

Текст «Манаса» никогда не был канонизирован. Сказители-певцы сделали пересказ «Манаса» целью своей жизни; на киргизском языке их именуют «манасчи», что обозначает их поэтическую специальность. «Манасчи» все время совершенствовали поэму. С. Липкин продолжил их работу. И единственный серьезный упрек, который, пожалуй, могли бы сделать советскому «манасчи» его предшественники, это то, что С. Липкину не везде удалось передать колорит суровости, свойственной эпосу.

П. Скосырев и С. Липкин сделали большое и нужное дело. Их трудами новый жанр повести-пересказа утверждает себя, как нужный нашему читателю, особенно советскому юношеству, которому пересказы эпоса народов СССР должны помочь ознакомиться с культурой братских народов нашего Союза.

Петр Скосырев. «Фархад». В книге «Ваш покорный слуга». «Советский писатель», М. 1947 г. 325 стр.

Семен Липкин. «Манас великодушный». «Советский писатель». М. 1947 г. 229 стр.

Найдена могила Д. Гурамишвили

КИЕВ. (Наш корр.). Специальная комиссия Совета Министров Украины окончательно установила место, где покоится прах одного из самых выдающихся поэтов Грузии — Давида Гурамишвили, умершего 156 лет назад на Украине. Поиски останков поэта были предметом многолетних научно-исследовательских работ ученых Грузии и Украины.

Могила Гурамишвили находится на окраине Миргорода, на перекрестке Сорочинской и Полтавской улиц, на старом кладбище у самой дороги.

Ниже мы печатаем рассказ члена правительственной комиссии Украинской ССР писателя В. Кучера о глубоких научных исследованиях, которые привели ученых на окраину Миргорода.

...Давид Гурамишвили бежал из лезгинского плена, присоединившись к свите Вахтанга VI, который выехал из Грузии в надежде на помощь русского правительства в борьбе против персидско-турецких захватчиков, поработивших Грузию. В 1730 году Гурамишвили, попав в Москву, поступил на службу в Ахтырский гусарский полк, сформированный из грузин. В рядах этого полка он воевал против немецко-прусских войск, а также участвовал в боях под Хотином (1739 г.) и в битве со шведами (1742 г.). В 1757 году Гурамишвили воевал против Пруссии и, попав в плен, долго томился в Магдебургской крепости.

Приехав с войны инвалидом и стариком, поэт не переставал мечтать о возвращении в родную Грузию. Но долгие годы, прожитые на Украине, сблизили его с украинским народом. Украина стала для Гурамишвили родной землей. Тут он создал свою бессмертную книгу «Давитиани», в которой ярко проступают мелодии и сюжеты, навеянные новой родиной поэта.

Через своего приятеля, ехавшего в Грузию, Давид Гурамишвили передал рукопись «Давитиани». Ее напечатали, и книга стала одним из величайших произведений грузинской поэзии. Но об авторе этих прекрасных стихов никто ничего не знал. Его след вел в Петербург, потом в Москву и терялся где-то на Украине. Этот след был найден лишь спустя почти 150 лет, накануне Великой Отечественной войны.

В книге «Давитиани» есть стихотворение «Зубовка». В рукописи, посланной в Грузию, автор на одной из страниц поместил план мелиорации села Зубовки. На картах того времени это село значилось только в одном месте — возле Миргорода. Затем в полтавском архиве была найдена «Ревизская сказка» Миргородского уезда за 1783 год, в которой значилось, что Зубовка входит во «владения отставного поручика князя Д. Гурамова». Так было установлено, что местом жительства поэта являлся Миргород.

Возможно, что архивы поведали бы еще более ценные детали из жизни поэта, но их сожгли немецкие фашисты, убегая из Полтавы осенью 1943 года.

В Институте литературы Академии наук УССР остались фотокопии страниц из книги об умерших, которая была разыскана в Лубенском музее перед войной. В этой книге на странице 1-й написано: «Книга метрическая об умерших в Успенской церкви соборной миргородской». На странице 33-й значится: «1792, июль 21. Преставился князь Давид Гурамов покаянием. 95 лет».

Таким образом стали известны не только место погребения Гурамишвили, но и год смерти поэта.

Представители Академии наук Украины — члены специальной правительственной комиссии — подтвердили место погребения грузинского поэта специальным актом.

На могиле Давида Гурамишвили будет поставлен памятник — сердечная дань украинского народа грузинскому творцу гениальных песен, через столетия прокладывавших путь великой дружбе Украины и солнечной Грузии.

На родине поэта, в самых далеких горных селениях, на любом заводе, в колхозе — всюду народ чтит незабываемые произведения своего верного сына. Его бессмертную книгу «Давитиани» знают на память и дети и взрослые. Его стихи поют, передают из уст в уста.

...Скоро зацветут сады над Полтавским шляхом, зашумят тучные поля. И сюда, на могилу Давида Гурамишвили, будут приходить люди и думать о его замечательной родине, которая навеки стала сестрой Украины.

Викт. БОЛХОВИТИНОВ, Вас. ЗАХАРЧЕНКО.

В мире бредовой фантастики

Американский писатель Р. Ф. Джонс, набивший руку в области «научной» фантастики, пытается приоткрыть перед читателями завесу грядущего. Все свое пылкое воображение он вкладывает в описание машины, перед которой выстраиваются матери с новорожденными детьми.

Машина проглатывает ребенка. Сотни приборов, расположенных внутри нее, исследуют склонности, способности, характер и прочие задатки будущего человека. Машина не знает компромиссов. Если она признала ребенка полноценным, то тут же выбрасывает его обратно в материнские руки; если она обнаружила в ребенке данные «сверхчеловека», то мать больше не увидит свое дитя. Его отправят в «параллельный нашему мир», где будут растить без помощи родителей. И горе младенцу, которого машина сочтет неполноценным. Он подлежит немедленному уничтожению. По «научному» предвидению Джонса, густая сеть таких машин покроет землю будущего.

Этот чудовищный по своей открыто фашистской тенденции рассказ, под оптимистическим названием «Возрождение», напечатан в американском журнале «Astounding» («Поразительное»).

Фашистские откровения Джонса — не случайность в американской научно-фантастической литературе. Возьмем любую из множества книжек в ярких, красочных обложках, которые предприимчивые издатели выбрасывают на книжный рынок Америки в миллионных тиражах. С их страниц глядит страшный мир, словно порожденный больным воображением сумасшедшего, мир бредовой фантастики. Маразм, духовное растление, боязнь сегодняшнего дня, ужас перед грядущим, все, чем неизлечимо болен капитализм, отчетливо запечатлелось здесь.

В своем научно-фантастическом бреду американские авторы выбалтывают тайное тайных империализма. С бесстыдной развязностью они выносят на поверхность то, что так называемая «большая литература» пока еще старается подавать в завуалированной форме.

Лакеи Уолл-стрита в ливрее научно-фантастического писателя в первую очередь выполняют главный заказ своих боссов — любыми средствами убеждать читателя в незыблемости капиталистического строя. Волчьи порядки капитализма, так называемый «американский образ жизни», изображаются писателями-фантастами неизменными не только для всех времен и для всех народов, населяющих Землю. На какую бы планету ни заносил автор своих героев, всюду он обнаруживает мир, построенный по американскому образцу и подобию.

В рассказе «Таинственный мир» Э. Биндера бандит Иорен, следуя традиции своих чикагских коллег, крадет межпланетное такси и увозит изобретателя Тома и красавицу Деллу на неведомую планету — искать зарытый там пиратский клад. В рассказе Ф. Рессела «Тайна мистера Визеля» восторженно расписываются похождения шпиона, прибывшего с Марса.

Американская научная фантастика в безудержной пропаганде расизма доходит до «высот», которым в свое время мог бы позавидовать Геббельс. Автор рассказа «Лилии жизни» Джеймсон пытается внушить читателю, что и на Венере существует социальное неравенство, что и там есть «высшие» и «низшие» расы. С отвратительным цинизмом колонизатора-рабовладельца он пишет: «Туземцы Венеры ленивы, распутны и бессовестны. Туземец — врожденный лгун и вор, он несдержан на язык и руку, нечестен в поступках. Труда он не любит, к физической боли равнодушен, к мышлению совершенно неспособен».

Доллар, пистолет и кулак действуют всюду — на самых далеких планетах, в космической пыли галактики. Выполняя заказ хозяев с Уолл-стрита, писатели пропагандируют войну, как основу жизни, как естественное состояние планеты. В романе «Тройная судьба» Ф. Лейбер описывает жестокую, нескончаемую войну, которую ведут между собой две великие нации, поглотившие все остальные. Их непрестанно подстегивает мысль о том, что войну надо продолжать, иначе все прежние жертвы окажутся бесполезными. В «Огоньках Марса» Г. Джайлс, рассказывая о будущем, видит войну не только на Земле, но и на Марсе.

Для подкрепления пропаганды могущества военной машины империализма, «научные» фантасты Америки безудержно грозят атомным пугалом. Р. Ульямс в рассказе «Невероятные камешки» описывает будущую фабрику атомных бомб, куда забрался, сделав мистический скачок во времени, придурковатый мальчишка с рогаткой. Мальчишка стреляет из рогатки атомными бомбами, словно камешками. Хулиган с атомной рогаткой — не это ли символ современного империализма?

Стремясь увести читателя от «вредных» размышлений о причине социальных зол, американские издательства выпускают серии страшных рассказов с «потусторонней» тематикой: телепатией, перевоплощением, распадом памяти. Авторы этих «научно-фантастических» произведений делают все от них зависящее, чтобы развратить и оболванить читателя. Они предсказывают полное уничтожение материи, которую заменит дух в виде «сгустков мыслящей энергии». Подтасовывая математические научные теории, невежды из американских журналов приходят к утверждению о существовании потусторонних миров в четвертом измерении. Так, в рассказе де-Курси «Они не люди» выступает «бессмертный» выходец из могилы, который только притворяется живым человеком. В рассказе Милларда «Хрустальные агрессоры» действуют бестелесные существа — «сгустки чистой энергии», питающиеся нервными токами людей, возбуждающие в них эмоции страха, гнева, ненависти и прочие беды.

Массовыми тиражами выпускаются писания литературного мракобеса Шэвера— дикая смесь мистики и садизма в фашистском духе. В своих повестях Шэвер навязчиво твердит, что все непорядки на Земле происходят от вмешательства «лемуров», невероятно древней, невероятно ученой сверхрасы, некогда владычествовавшей на Земле, но постепенно загнанной со всеми своими машинами в подземные пещеры, на огромную глубину. Лемуры ненавидят людей и мечтают вернуть себе власть над миром. Для этого они воздействуют на людей особыми лучами, внушая им антиобщественные мысли и поступки, побуждая их к войнам для взаимного истребления.

Авторы всей этой архиреакционной, крикливо-развязной стряпни, однако, не могут скрыть того страха перед будущим, которым охвачен капиталистический мир. Капиталисты, эксплоатирующие и угнетающие человека, боятся этого человека. Они хотели бы, чтобы на их заводах вместо людей работали безропотные автоматы. И вот, в угоду своим хозяевам, поставщики научной фантастики выводят на сцену армию роботов, которые благодаря своему весьма совершенному устройству вытесняют с заводов живых людей.

Характерна в этом отношении повесть Э. Биндера «Адам Линк спасает мир». Адам Линк—это робот, мозг которого, состоящий из губчатого иридия, могущественнее мозга человека. В войне с чудовищами, прилетевшими с Сириуса, он ведет за собою к победе стада тупых и беспощадных людей. Кстати, авторы не забыли дать роботу Адаму жену-робота—Еву.

Рассказ Дель-Рея «Мечта бессмертна» оканчивается полным торжеством роботов. Все человечество вымирает, лишь на одной далекой планете живут и размножаются прилетевшие с Земли роботы — металлические люди.

В современном буржуазном мире плоды творчества изобретателей и ученых превращены в об'ект спекуляции и грабежа, в средство порабощения и эксплоатации. Капитализм приковал изобретателей цепями патентных законов к своей колеснице. Он заставил ученых делать вещи, направленные против человека. Герой современных фантастических повестей чаще всего не изобретатель, а бизнесмен или гангстер, пользующийся плодами чужих трудов. Наука, по мнению американских дельцов, — это прежде всего средство обогащения, преступлений, тирании.

У капитализма нет будущего. Время работает против него. Пессимизм сквозит и в научно-фантастической литературе, несмотря на показное бодрячество ее авторов. Читателю преподносят картины одичания мира, вырождения, гибели цивилизации.

Откровения, высказанные в бреду разнузданной фантастики, прикрываемой ярлыком «науки», ярко свидетельствуют о неизлечимой болезни капиталистического строя. Поставщики фантастического чтива чувствуют это и обреченность капитализма стараются выдать за обреченность мира. Но тщетны все старания. Их омерзительный, злобный бред не может обмануть народы мира, которые верят в прогресс и светлое будущее человечества.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60 02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации —К 1-18-94, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01174.